Глубокий контакт

Автор:
Андрей Астахов

Глубокий контакт

Андрей Астахов

У него больше нет имени, только прозвище – Ник Северянин. Он граббер, полулегальный старатель на далекой планете Аваллон, опустошенной войной. Поиски лекарства для смертельно больной жены поневоле вовлекают его в секретные операции военно-космических сил, пытающихся проникнуть в последнюю неразгаданную тайну планеты. Ответственная миссия – или просто попытка найти себя? Никто не знает, что случится со смельчаком, отважившимся проникнуть за Линию Смерти, в тот загадочный мир, куда землянам до сих пор не было доступа. Ведь правду о тайнах Аваллона земные власти старательно скрывали от всех.

Андрей Астахов

Глубокий контакт

Памяти моего отца посвящается

Пролог

Семь дней истекли. И мы все еще живы.

Мы идем уже восьмой день, и никто толком не знает, куда. Восемь дней, по сорок километров каждый день – получается триста двадцать километров, половина расстояния от Москвы до Петербурга. Триста двадцать километров с тяжеленным рюкзаком за плечами, по тридцатипятиградусной жаре и по выжженной равнине, которая, скорее, напоминает пустыню. Вокруг только однообразные скалы, россыпи каменистой породы, песок и глубокие промоины в почве, оставленные дождевыми потоками, – хотя я не уверен, бывает ли когда-нибудь на этой планете дождь? Если не считать уродливых колючих кустов да назойливых насекомых, ничего живого нам не встречается, и слава Богу – я наслушался про местную фауну немало скверного еще в Загоне.

Там впереди горы – грабберы называют их Хребтом Динозавра. Их вершины уже можно различить на горизонте, но они еще адски далеко. Костыль говорит, что сразу за горами начинается Долина Снов, а в ней находится место, где, по его словам, может быть товар. Костыль клянется, что какой-то недавно умерший от лучевой проказы граббер по секрету сообщил ему, что однажды побывал в Долине Снов и нашел завод, который теперь пытаемся найти мы. Не знаю, стоит ли верить Костылю, но остальные ему верят. Возможно, мы обманываем сами себя. Но выбора все равно нет. Мы так далеко забрались в проклятую пустыню, что назад нам уже не вернуться. Эти лиловые горы впереди – наша последняя надежда. Доберемся до них, будем жить, не доберемся – наши высушенные солнцем трупы никто никогда не найдет. Так мы и будем лежать под этим вечно раскаленным небом, и единственными, кто будет навещать нас, станут вонючие падальщики-изарки и огромные мохнатые мухи, которых полно даже в этой пустыне. Я все чаще думаю об этом, и порой мне не хочется думать о будущем. Я даже начинаю жалеть о своей прошлой жизни там, на Земле. Глупая, нелепая ностальгия по жизни, от которой меня теперь отделяет бездна шириной в сорок семь парсек или почти сто шестьдесят световых лет. Вообще странно, что я об этом размышляю. Иногда мне хочется поделиться своими воспоминаниями с моими компаньонами, но я не решаюсь. Не хочу, чтобы они принимали меня за бича. Хотя, если называть вещи своими именами, я и есть бич, бывший интеллигентный человек, бывший профессор археологии одного из университетов. Здесь, в этом мире, я граббер, копатель, раскапывающий тайны прошлого этой планеты, которую почему-то назвали Аваллон. У астронавигаторов с юмором явно напряженка. Я бы назвал эту планету Гадес. Или Геенна. Хотя, насколько я знаю, когда эту планету открыли, она была совсем другой.

Сегодня мы уже прошли больше тридцати километров, если судить по моему «персу». Весь день мы тащимся по мрачному серому мелкосопочнику, заросшему

чахлыми колючками, о которых я уже упоминал. Жара действует на нервы. Крыса непривычно молчалив, то ли заболел, то ли исчерпал весь запас бородатых анекдотов, которыми потчевал нас всю неделю. Алекс все время что-то бормочет под нос. Негр часто морщится, будто от боли, и в его глазах тоска. Все устали. Если Костыль наврал, я ему не завидую. Парни разберут его на запчасти.

Я тоже молчу, мне просто нечего им сказать. Я бреду по скрипящему под подошвами ботинок гравию и думаю о своем сне. Минувшей ночью я впервые за шесть месяцев видел во сне Катю. Это был сон-воспоминание – больничная палата, мигающие разноцветными огоньками аппараты вокруг кровати, белое бескровное лицо Кати на подушке. Это было как раз перед отправкой в криокамеру. Она посмотрела на меня, и губы ее зашевелились, но я ничего не расслышал. Мне показалось, она прошептала: «Подари мне надежду».

Жаль, что Катя не может меня слышать, не может узнать моих мыслей. И дело не в сорока семи парсеках, которые отделяют Аваллон от Земли. Спящие в криобиозе не знают, что делают живые. Они мало чем отличаются от мертвых – разве только тем, что у них остается призрачная надежда на воскресение. А я пока еще жив. Я все еще иду по равнине к лиловым горам, за которыми, возможно, найду то, что ищу. Когда-нибудь я напишу об этом сумасшедшем походе вместе с четырьмя безумцами, потому что в эти минуты я делаю то, на что пока не отваживался еще ни один из грабберов.

Я иду в Долину Снов.

Место, где сокрыт один из ключей к Бессмертию, где я, может быть, найду спасение моей Катеньки, найду утраченное счастье.

I. День первый

G-излучение – особый вид электромагнитного излучения, возникающий, как правило, при термоядерных реакциях в недрах звезд с высокой плотностью вещества. Относится к ионизирующим излучениям. Способно незначительно и на короткое время менять радиационный фон на площадях направленного воздействия. Генерируется при помощи импульсного излучателя Ланга.

Воздействует на нервные клетки живых существ. G-волны невысокой мощности вызывают состояние нервного возбуждения, галлюцинации, расстройство сознания. При мощном излучении (свыше 1200 лангов/ кг) происходит гибель нейронов. По некоторым наблюдениям G-и обладает слабым псионическим действием.

Дж. Таунсенд, К. Гриф.

Краткий справочник астробиолога

– «Кондор 2» вызывает «Большую Маму»! Как меня слышите? Прием.

– «Кондор 2», это «Большая Мама», слышу вас нормально. Прием.

– «Мама», нахожусь в квадрате 14–30, вижу западнее Пика Вдовы пять человек. Похоже, их накрыло импульсом. Защита сработала.

– Ты уверен, что это чужаки?

– Наших персональных маяков-идентификаторов на них нет. Интересно, как они смогли сюда добраться?…. База, там есть живые!

– Ты спятил! Импульс убил бы и не таких хиляков.

– Мои биосканеры показывают, что двое из них живы. Сейчас уточню. Так и есть, «Мама». Трое покойников, двое живых. Какие будут распоряжения?

– Бросай их и возвращайся на базу…. Или нет, постой. Черт, ты ставишь меня в трудное положение. Эти сукины дети все-таки живые люди. Не бросать же их на съедение изаркам! Уж коль скоро они непонятно как добрались до нашей «Мамы», будем гостеприимными хозяевами. Надо узнать, как эти парни смогли преодолеть две полосы контроля. А с другой стороны, они получили такую порцию G-излучения, что вряд ли выживут…. Каковы условия для посадки?

– Ветер два балла, видимость хорошая.

– Ладно, хрен с ними! «Кондор 2», притащи мне хотя бы одного из них. И будь осторожен – на почве могла остаться остаточная радиация.

– «Большая Мама», понял вас. Начинаю снижение…

* * *

Осознание себя давалось тяжело. Вначале была темнота и боль, потом попытка открыть глаза. И был свет, хлынувший потоком в зрачки. Северянин со стоном закрыл глаза – яркий свет был невыносим. Видимо, стон был услышан, потому что секунду спустя где-то рядом прозвучал голос:

– Очнулся? Ну, вот и славненько.

Северянин вздрогнул. Он уже достаточно пришел в себя для того, чтобы осознавать, что с ним происходит. Во-первых, он жив. Во-вторых, он лежал на чем-то мягком. В-третьих, рядом с ним есть кто-то. Надо попробовать еще раз открыть глаза, чтобы увидеть говорящего.

Он лежал на больничной кровати, укрытый пахнущим лавандой синтетическим одеялом. Помещение, в которое он попал, напоминало обычный больничный бокс с круглыми лампами дневного света под потолком, кучей аппаратуры вокруг кровати и стеллажами из светлого пластика и стекла. Вместе с ним в боксе находилось двое. Северянин повел глазами, пытаясь разглядеть обоих. Один из них, невысокий и худощавый, с бледным лицом и седыми висками, возился у столика на колесах, набирая что-то в шприц. Второй, крепкий мужчина средних лет, сидел на стуле и смотрел на Северянина.

– Вот вам и чудо, майор, – сказал человек у столика. Это его голос Северянин услышал, придя в себя. – Вы все еще не верите в чудеса, не так ли?

– Теперь верю, – без всякого выражения сказал тот, кого назвали майором. – Вы просто волшебник, док. За такую работу вам полагаются все существующие научные премии. Вот только бы излучение не оказалось слишком сильным. Сколько он протянет, как вы думаете?

– Я не отпускаю время жизни. Это прерогатива Господа Бога. Я лишь лечу драные оболочки ваших солдат и борюсь со всякой гадостью, которая время от времени проникает в их кровь. Спросите сами у парня, намерен ли он умирать в ближайшее время. Думаю, он этого делать не собирается. Импульс, вероятно, не разрушил его нервную и кровеносную системы. Во всяком случае, анализы крови у него неплохие. Рефлексы тоже в порядке.

– Как вы себя чувствуете? – спросил майор Северянина.

– Спасибо… хорошо.

– Хорошо? Невероятно! Но если честно, я этому рад.

– Где я? Кто вы?

– Два очень хороших вопроса, приятель. Сначала давайте я скажу вам, кто вы такой. Вы Николай Дмитриевич Кольцов, вам тридцать семь лет, и вы прибыли на Аваллон восемнадцать дней назад, пятого августа 2230 года. Помните?

– Конечно, помню…. Голова болит.

– Неудивительно. Вы проникли в запретную зону, и вас шарахнуло из нашей G-пушки. Вас нашел дозорный геликоптер.

– Где остальные? Где Костыль, Крыса, Негр, Алекс?

– Когда вас нашли, кроме вас был еще один живой, но он скончался еще на борту геликоптера. Ваши спутники мертвы, и я очень удивлен тем, что вы не разделили их судьбу. Благодарите нашего доктора. У нас превосходный доктор. Поначалу он давал вам один шанс на миллион, что вы не отправитесь на последнюю экскурсию в наш крематорий. Потом он поднял ваши шансы до одного на тысячу. Да и Бог вас любит, приятель. Видимо, площадь поражения оказалась ограниченной, и вы оказались у самого ее края. Другого объяснения вашего чудесного исцеления у меня нет.

– Лежи смирно. – Доктор отработанным движением всадил шприц в предплечье Северянина, ввел препарат. – Вот так, отлично.

– Где я?

– Лучше бы вам этого не знать. Вы совершили очень опрометчивый поступок, попав сюда. Знаете, почему? Теперь вы принадлежите нам.

– Вам? Кто вы?

– Майор Зебровски к вашим услугам. – Крепыш улыбнулся Северянину. – Это я приказал нашему патрулю подобрать вас на осыпи у Пика Вдовы.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Обижаете, приятель. Ваш «перс» я уже вскрыл и узнал оттуда кучу любопытного. Поначалу я думал, что вы шпион, нанятый одной из компаний, обосновавшихся на Аваллоне. Потом у меня появилась мысль, что вы работаете на Западный Альянс. Но все оказалось гораздо проще – вы просто граббер. Один из этих сумасшедших, которые полагают, что смогут здесь на Аваллоне найти что-нибудь стоящее. Ваши записи меня в этом убедили.

– Вы похожи на военного. Вы военный? – Северянин достаточно пришел в себя для того, чтобы вести серьезный разговор. К тому же доктор подал ему пластиковый стаканчик с каким-то зеленоватым напитком. Питье с запахом мяты оказалось сильным тоником. Северянин почувствовал себя бодрее, мысли прояснились, головная боль понемногу начала проходить.

– Военный. – Майор Зебровски усмехнулся. – Официально нас на Аваллоне быть не должно. После Армагеддона власти Земли приняли решение не направлять сюда воинские подразделения. Так оно и есть – официально. На деле и Западный Альянс, и мы давно устроили тут свои секретные базы. Правда, для всех мы просто научные лаборатории. Вы как раз и забрели прямехонько к одной из них. Наша лаборатория называется «Большая Мама». Ваш проводник сыграл с вами дурную шутку.

– Костыль? Он мертв?

– Все мертвы. – Зебровски сказал это без всякого сожаления. – Кроме вас. С той минуты, как вы вошли за охраняемый периметр, вы оказались нашей мишенью. И

если бы не моя сентиментальность, вас бы сейчас доедали изарки. Кстати, вы не голодны?

– Нет. – Северянин попытался подняться на постели.

Доктор тут же помог, подоткнул подушку.

– Пить хочется. И голова немного кружится. Странно все получилось.

– Что вам сказал этот ваш проводник… кажется, Костыль?

– Он сказал, что знает дорогу к заводу номер два. В Загоне много говорят об этом месте. Я слышал, несколько месяцев назад один из грабберов нашел там заброшенный склад, на котором может быть Панацея.

– И где сейчас этот граббер?

– Умер. У него была лучевая проказа.

– Скверно. И вы поверили в эту историю?

– Если бы я не верил в истории о Панацее, то не прилетел бы на Аваллон.

– Логично. Причем прилетели вы тайно, нелегалом, насколько я знаю. Ваше имя не числится в базе данных МГКС, официально действующих здесь компаний и научных сообществ. Как вам это удалось?

– Удалось, и все тут. Какая вам разница?

– Странный поступок для человека, который на Земле вел довольно стабильную и обеспеченную жизнь. Профессор истории одного из престижных университетов, лауреат многих премий, кумир студентов. Что вас заставило отказаться от всего этого и пополнить число безумцев, рыскающих по этой планете?

– Я же сказал – Панацея.

– Похоже, вы серьезно верите в ее существование.

– Человек в моем положении хватается за любую надежду.

– Вы больны?

– Нет. Но моя жена страдает редкой формой рака. Я надеюсь спасти ее.

– То есть вы считаете, что Панацея ей поможет? – Зебровски сдержал смешок, ему не хотелось обижать этого странного человека. – Сказать по чести, я удивлен. Если бы мне это сказал какой-нибудь полуграмотный граббер, за плечами которого только тюрьмы и аваритовые копи, я не удивился бы. Но вы….Где сейчас ваша жена?

– На Земле. Она… спит. Я упросил врачей погрузить ее в криобиоз.

– Рискованное мероприятие. Последствия криобиоза до сих пор толком не изучены.

– Нам нечего терять. Ничтожный шанс на спасение все равно остался.

– Простите мое любопытство, но где вы взяли деньги на заморозку? Я слышал, что эта процедура очень дорогостоящая.

– Я продал все свое имущество. Дом, банковские бумаги. Словом, все.

– Преклоняюсь перед вами. – В голосе Майора послышалось уважение. – Вы очень любите свою жену. Такую любовь нечасто встретишь. Теперь я понимаю, что заставило вас прилететь на Аваллон.

– Зачем вы наводили обо мне справки?

– Затем, что я офицер разведки военно-космических сил Восточной Конфедерации, спецотдел «Галактика». И нахожусь здесь с секретной миссией моего командования. А вы своими поисками счастья и бессмертия создали мне проблему, которую я теперь пытаюсь решить без прямого ущерба для вас.

– Сожалею. Я не хотел.

– Однако теперь вы мой гость. Вернее, вы автоматически становитесь моим сотрудником. Уж извините, так заведено у нас в разведке.

– Вы хотите сказать, что я завербован?

– Именно. И отказаться вы не сможете. Такова плата за проникновение в тайну, которая вам не предназначалась. Но вы не волнуйтесь, Николай Дмитриевич, на нас работает немало грабберов. Аваллон – слишком скверное место, и выживает здесь лишь тот, кто имеет сильных покровителей.

– Николая Кольцова больше нет. Есть Ник Северянин, так меня прозвали в Загоне.

– Превосходно. Неплохой оперативный псевдоним.

– Не понимаю, чем я могу быть вам полезен.

– Можете. Вы сильно удивили нас, оставшись в живых после импульса. И заинтересовали. Я даже знаю, как мне следует вас использовать. Но этот разговор мы отложим на некоторое время. Вам надо подлечиться, а мне обдумать, какое задание я мог бы вам для начала поручить.

– У меня нет выбора, не так ли?

– Нет. – Зебровски даже не попытался смягчить тон. – У вас нет выбора. Вам придется сотрудничать с нами, и тогда, может быть, вы найдете то, что ищете. А пока отдыхайте. Вам надо хорошенько выспаться и набраться сил. Завтра продолжим наше знакомство. Оставляю вас заботам нашего доктора.

II. День второй

Граббер (англ. grub out – раскапывать) – собирательное название полулегальных старателей на Аваллоне. Г. находятся на Аваллоне на основании Статьи 17 Конвенции о Космосе, как физические лица, ведущие мелкий промысел полезных ископаемых, либо поиск редких предметов, относящихся к существовавшей до колонизации Аваллона культуре Та-Ин. Г. действуют в одиночку, либо объединены в небольшие сообщества, деятельность которых контролируется особыми службами МГКС, либо частными компаниями.

События развиваются совсем не так, как я ожидал. То, что со мной происходит, невероятно. Покойный Костыль втянул меня в историю, из которой будет очень непросто выбраться. Но пока я в безопасности. Во всяком случае, мне кажется, что я в безопасности.

Ночь прошла спокойно. Я хорошо выспался и впервые с момента прилета на Аваллон не видел снов. Возможно, это действие лекарств, которыми меня напичкал доктор. Я спокоен. И готов ко всему. С утра меня посетил майор Зебровски и пригласил на обед. Вероятно, он во время обеда раскроет свои карты. Я бы очень этого хотел. Не люблю неясности. Одно очевидно – Зебровски всерьез намерен меня использовать. Для чего? С какой целью он собирается ввести в свои шпионские игры бывшего ученого? Что это ему дает? Спецагент из меня никакой, это Зебровски должен понимать. Я не верю ему, когда он говорит о моей якобы уникальной устойчивости к G-импульсу. Надеюсь, сегодня он будет со мной откровенен. Начнет темнить, я просто откажусь. Пусть попробует меня заставить. Убьют так убьют. Я готов к смерти – с ней все закончится. Жаль только, что своей цели я не достиг. Ничего, если все, что говорят о загробной жизни, – правда, то Зебровски лишь ускорит мою встречу с Катей. И тогда хоть одно мое желание исполнится.

* * *

Обед у майора Зебровски приятно поразил Северянина. До сих пор он считал, что вряд ли что на «Большой Маме» сможет удивить его по-настоящему. Ничего интересного тут быть не могло. Следуя за Зебровски в кают-компанию базы, он проходил одно за другим рабочие отсеки базы – бесконечный лабиринт галерей-труб с бронированными ячеистыми стенами и герметически запирающимися бронедверями. Галереи выходили в бесцветные помещения, заставленные темно-зелеными армейскими ящиками, штабелями пластиковых панелей и аккуратно сложенным стальным прокатом. Где-то стучали и гудели механизмы,

мощные вентиляторы с воем нагнетали в галереи свежий воздух, лязгали двери, пропуская людей в следующий отсек. Но кают-компания базы была иной. Северянин оценил и хорошую стильную мебель из настоящего дерева, явно сработанную на Земле, неожиданный фонтанчик прямо в центре зала, и приятную цветовую гамму интерьера, и живые растения в ярких керамических горшках вдоль стен. Прямо офис преуспевающей компании, а не помещение в военном бункере. Но не это его поразило больше всего. Едва он вошел сюда, сердце у него защемило: за огромными окнами виднелся пейзаж средней полосы России. Ему на миг показалось, что в лицо ему пахнул аромат летнего русского луга, запах согретой солнцем травы, свежий и пряный.

– Здорово? – Зебровски довольно засмеялся. – Хорошая иллюзия. Всего лишь несколько видеопанно и со вкусом подобранные видеоролики. Я знал, что это произведет на вас впечатление.

– Зачем вы это сделали?

– Мой персонал состоит из живых людей, – ответил майор, жестом предложив Северянину сесть к накрытому столу. – Мы часто испытываем ностальгию по Земле. Местный пейзаж весьма уныл, порой очень хочется ярких красок. Кстати, как там, на исторической родине? На матушке-Земле еще не забыли, как играть в футбол?

– Не забыли. Только погода не располагает для игр на свежем воздухе. Июль был дождливым. Во всяком случае, в моем родном городе.

– Угощайтесь, – сказал майор тоном гостеприимного хозяина. – За обедом разговор всегда приятнее. Не стесняйтесь. Вы что пьете?

– Водку. – Северянин невольно сглотнул слюну: он вдруг понял, что страшно голоден. – Русскую.

– Другой у нас нет. По одной за знакомство?

Северянин принял налитую стопку из рук майора и внезапно подумал, что первое чудо с ним уже случилось. Он не погиб в горячей пустыне у Пика Вдовы и может наслаждаться такой простой и такой мало ценимой прежде радостью – комфортом и вкусной едой. Он медленно выпил водку, а потом с еще большим

наслаждением занялся горячим борщом со сметаной – душистым, наваристым и божественно вкусным. Зебровски с улыбкой наблюдал, как он ест.

– Наверное, в Загоне пришлось есть концентраты, – заметил он. – Вообще-то они вкусные, но надоедают. Хочется домашнего, не так ли?

«Не просто хочется», – подумал Северянин. С тех пор как заболела Катя, он готовил себе сам. Как мог, так и готовил.

– Вся еда натуральная. У нас на базе есть своя ферма, где мы разводим поросят, своя теплица и рыбный пруд. Правда, все эти вкусности наша дополнительная, а не основная пища. Приходится изо дня в день есть долбаные концентраты и консервы. Давайте по второй пропустим. – Зебровски наполнил стопки. – Вам сейчас полезно немного выпить.

– Я знаю, – ответил Северянин. – За что пьем? За удачную вербовку?

– За будущее сотрудничество. Ваше здоровье!

Северянин выпил залпом, поймав ободряющий взгляд майора, придвинул себе тарелку со вторым блюдом – тушеным карпом с молодым картофелем и зеленью. То ли от водки, то ли от вида вкусной еды у него набежала слюна, и Северянин внезапно разозлился на самого себя. Он словно нищий, позванный к столу богача. Никогда прежде он даже не представлял себе, что может испытывать такое наслаждение от еды.

– Вы всегда так кормите своих агентов? – спросил он.

– Нет, – с усмешкой сказал майор. – Вы – исключение. А знаете, почему? Вы первый агент, которого я принимаю здесь, на базе. Обычно мы вербуем наших агентов еще в Загоне или в Ураниум-Сити.

– К чему такая секретность?

– Сразу видно, что вы не военный человек. Секретность – первое условие успеха. А совместный обед располагает к откровенности. Я хочу с вами откровенного разговора, потому что вы мне понравились.

– Вам понравилась моя живучесть?

– Нет. Я истосковался по общению с интеллигентными людьми. Если не считать доктора Пауля Авермана – вы его видели, – персонал этой базы состоит из ветеранов военно-космических войск. Они все славные ребята, но слишком уж одномерные. Мне не хватает разговоров ни о чем. Знаете, когда люди просто собираются и болтают – о женщинах, искусстве, рыбной ловле, коллекционировании. Пока не появились вы, мы все свободное время проводили с доктором, болтали и играли в ма-джонг. Вы любите ма-джонг?

– Не очень.

– Вы ешьте, ешьте…. Пока вы будете поправлять свое здоровье, мы с вами пообщаемся. Мне следует вам многое объяснить, потому что я собираюсь поручить вам крайне ответственную миссию. Я бы сказал, решающую миссию.

– Вы возлагаете на меня слишком большие надежды, – ответил Северянин, не поднимая глаз от тарелки.

– Может быть. Но, так или иначе, вы будете ее выполнять. Я человек прямой, говорю, что думаю. Справитесь – будете щедро вознаграждены. Погибнете – я найду другого агента. Наверняка найдется сумасшедший, который снова попытается проникнуть в Долину Снов и попадет под наши излучатели.

– Спасибо за откровенность.

– Еще водки?

– Наливайте. – Северянин почувствовал странную решимость.

– Ого, вы стали бодрее! Мое угощение и мой цинизм возвращают вас к жизни!

– За что будет третий тост?

– За погибших. В армии третий тост всегда пьют за тех, кто не вернулся с задания.

– Отлично. Я теперь знаю, на каком тосте вы будете вспоминать меня.

– О, как вы себя недооцениваете! – Зебровски изучающе посмотрел на Северянина. – Давайте определимся, Николай Дмитриевич, как мне вас лучше называть.

– Вы же уже выбрали. Для всех я Северянин.

– Хорошо. Я буду звать вас Ник.

– А как мне называть вас?

– Зовите просто майором.

– Это звучит как-то унизительно. У вас ведь есть имя.

– Конечно. Больше того, у меня, как у всех разведчиков, много имен.

– Хорошо. Пусть будет майор. – Северянин отложил вилку, удовлетворенно вздохнул. – Я сыт, можете начинать.

– Отлично. Я постараюсь быть доскональным во всем, кроме тех несущественных мелочей, которые вам будут неинтересны. Скажу сразу – наша беседа будет записываться. Так положено, уж не обижайтесь.

– Вы сделали меня своим инструментом. После этого смешно на что-либо обижаться.

– В ваших словах все время сквозит упрек. Вы будто обвиняете меня в том, что я очень скверно с вами поступил. Вы неблагодарный человек, Северянин.

– Простите, но у меня нет оснований проникнуться к вам собачьей преданностью. Вы лишили меня свободы. Больше у меня ничего не было.

– Один вопрос, Ник – что вы знаете о грабберах?

– Ничего. Я не очень долго вращался в их кругу. К тому же Загон, как вы называете фильтрационный лагерь в Уваре, не располагает к дружескому общению. Люди там слишком заняты зарабатыванием денег на необходимое снаряжение. А работы в Уваре нет даже для старожилов.

– Но у вас ведь были первые впечатления, не так ли?

– Первое впечатление: среди грабберов нет ни одного счастливого человека. Каждого привело сюда какое-нибудь несчастье. – Северянин помолчал. – Те из ребят, с которыми я общался в Загоне, рассказывали мне очень похожие истории, почему они оказались на Аваллоне. Разорился, задолжал, проигрался, пытался найти деньги на лечение близких. Похоже, Аваллон – это планета неудачников.

– И эти неудачники чертовски нам мешают. Я уже не говорю, что почти все они люди с темным прошлым. От них масса проблем. Население Аваллона составляет около ста тысяч человек. Из них половина живет в Ураниум-Сити, где за ними худо-бедно надзирает полиция МГКС и спецслужбы частных компаний. В Уваре, с которым вы уже успели познакомиться, ситуация похожая. Но вот на дальних точках царит полная анархия. Настоящая банка с пауками. Все эти люди вооружены, все они прибыли на Аваллон в поисках счастья, во имя которого готовы на все. Выборные шерифы, которые должны надзирать за порядком, берут взятки и покрывают преступников. Кое-где появились настоящие банды, которые не имеют с истинным грабберством ничего общего. Но ничего сделать с ними нельзя. Статья семнадцатая Конвенции дает каждому право селиться и работать там, где он пожелает, – хоть на Аваллоне, хоть у дьявола в заднице. Только закон соблюдай. Но законы на Аваллоне всего лишь куча исписанной бумаги. Законы превращаются в пустой звук, когда до метрополии сорок семь парсек.

– Я знал, куда я лечу. Я кое-что читал об Аваллоне, искал о нем информацию в Старнете. Но реальность оказалась много хуже.

– Когда-то Аваллон был другим. Начиналось все очень даже интригующе.

– Да, я слышал что-то. Или читал. Но мне все это было малоинтересно.

– Не интересовались историей Аваллона? Зря, Ник. Наша миссия начинается с истории доктора Везалия. Слышали о таком?

– Никогда.

– Странно. Вы ищете Панацею и не знаете ничего о человеке, который считается ее создателем. В свое время имя Везалия было у всех на слуху. Талантливый молодой астробиолог и генетик, настолько талантливый, что его кандидатура для участия в экспедиции к Аваллону даже не обсуждалась. Доктор Андре Везалий был назначен главным научным консультантом экспедиции. По сути, экспедиция, в которой участвовал Везалий, была первой настоящей космической одиссеей. Своего рода испытанием нового типа звездолетов, оснащенных тахионными двигателями. Экспедиция имела четко обозначенный маршрут. Ее целью была звезда 2G2-C22001, та самая, которая сейчас так приветливо светит нам за стенами этой базы. Слишком велик был соблазн послать тахионный звездолет «Колумб» именно к этой звезде – ведь она практически полный аналог нашего Солнца. Яйцеголовые всезнайки предполагали, что звезда может иметь систему планет, подобную Солнечной системе – и ведь не ошиблись! Звездолет достиг пункта назначения, и командор Дауд, глава экспедиции, сообщил, что найдена планета с условиями, поразительно похожими на земные, – та же сила тяготения, тот же процент кислорода в атмосфере, наличие воды, райский климат, совершенно фантастическое изобилие растений и животных и так далее и тому подобное. Сущий рай во Вселенной. Но эйфория на Земле быстро прошла; через несколько недель пришло новое сообщение, на этот раз от доктора Везалия. Он передал, что Дауд и часть его людей погибли при неудачной вылазке в глубь территории планеты и что теперь он, Андре Везалий, возглавил экипаж «Колумба». А еще он сообщил, что под его руководством было сделано открытие, равного которому человечество еще не совершало. Речь шла о какой-то Высшей Гармонии и о Панацее. Естественно, возникли подозрения, что Везалий просто спятил. Людей с Аваллона решили забрать, дальнейшие исследования временно прекратить. С Земли послали спасательную экспедицию, но связь с ней пропала, едва звездолет добрался до Аваллона. Был послан крейсерский звездолет «Пантера» с военным десантом на борту, но и он исчез. Уже позже, через много лет, обломки спасательного звездолета «Геркулес» обнаружили вблизи экватора Аваллона. Судя по всему, он был сбит. О судьбе «Пантеры» мы до сих пор ничего не знаем – предположительно, она находится где-нибудь на Территории Хаоса.

– И что было дальше?

– Дальше на Земле снова получили сообщение Везалия. Он провозгласил себя правителем Аваллона и заявил, что земные власти ему больше не указ. А еще он сообщил о том, что теперь он равен Богу, потому что обладает Панацеей. Естественно, никто ему не поверил. Решили, что парень бредит, что у него мания величия. Однако на Аваллон начали стекаться бродяги и солдаты удачи со всей Галактики, и тут уже стало не до шуток. Согласно разведданным, на Аваллоне началось строительство центров по созданию Панацеи. Земные компании, кстати сказать, быстро смекнули, что могут неплохо заработать на бессмертии, и начали вкладывать капиталы в предприятие доктора Везалия. А тут еще на Аваллоне оказалось предостаточно полезных ископаемых, так что Везалий и компания вскоре имели в распоряжении целую армию хорошо вооруженных боевиков и огромные средства. На Земле поняли, что упустили момент, начали готовить вторжение на Аваллон. Подозреваю, что властям не было дела до Везалия и его адептов – всех интересовала Панацея и минеральные богатства Аваллона. Дальше дела пошли совсем скверно – началась война. Этой бойне дали поэтическое название Армагеддон. С таким же успехом ее можно было назвать Войной за Панацею или Войной за аварит. Сюда были переброшены чуть ли не все военно-космические силы метрополии. За три года Аваллон превратили в полигон, где испытали все виды вооружений. Только все было бесполезно. Победа оказалась пирровой; боевиков разгромили, да только Везалий и его ближайшее окружение таинственным образом исчезли. Никаких следов Панацеи тоже не нашли, зато экология Аваллона была практически уничтожена – цветущий мир превратили в настоящую отравленную помойку. Ну, после этого на Земле начали чесать в затылках, что же делать дальше. Дебаты по Аваллону шли лет пять, потом все-таки сумели договориться. Планету передали под управление МГКС и сделали демилитаризованной зоной. Начались, как говорится, экологическая реабилитация и хозяйственное освоение Аваллона – в тех районах, где позволяли условия, начали работать вахты добытчиков полезных ископаемых. Про реабилитацию само собой сразу забыли, никто не хотел вкладывать огромные деньги в экологические программы. Дешевле было строить герметические бункеры и снабжать сотрудников средствами защиты. Постепенно, как всем казалось, экология сама стала приходить в норму – появилась растительность в районах боевых действий, только вот развелось до хрена мутантов, но к ним относились, как к мелкому неудобству, которое можно терпеть до поры до времени. Сегодня на Аваллоне снова живут люди, но места, где сейчас находится Территория Хаоса, до сих пор остаются для всех загадкой. Никому не известно, что там творится. Конечно, мы знаем, что там находятся развалины Та-Ин, Города Утреннего Солнца, а еще космодром, когда-то построенный компаниями, работавшими с Везалием. Единственный, кто отваживается туда проникать – это ваш брат граббер.

– Разве вы не можете обследовать эти районы?

– Мы люди подневольные, – кисло усмехнулся майор. – Приказа начать операции на Территории Хаоса у нас нет, а без приказа любые наши действия будут нарушением равновесия, которое установилось на планете. Мы даже мин наставить на подходах к Территории не имеем права – не дай Бог, какому-нибудь искателю острых ощущений оторвет задницу. Гражданские умники из МГКС немедленно поднимут крик о нарушении демилитаризованного статуса планеты. Официально, мы всего лишь наблюдаем. А вот неофициально нанимаем иногда грабберов, и они работают на нас.

– Понимаю. Для такой работы я вам и нужен.

– Не совсем. Лазать по руинам на Территории Хаоса – дело нехитрое, великого ума тут не надо. Тем более что дело это крайне опасное – из десяти грабберов, пробравшихся на Территорию Хаоса, возвращается по статистике только один. У тех, кто однажды проникал на Территорию Хаоса, иногда начинаются странные мутации. Всю эту информацию мы стараемся отслеживать, и у нас скопилось немало интересного о Территории Хаоса. Там есть что-то такое, что интересует всех, – и МГКС, и Западный Альянс, и нас. Конечно, мы следим за Территорией Хаоса с наших орбитальных спутников, но серьезных данных это не дает. Попытки использовать беспилотные киберпланы провалились – похоже, против них применяли весьма совершенную систему радиоэлектронной борьбы. Так что роботы сбивались с курса и падали у границы Территории. Там отмечены передвижения каких-то небольших групп – то ли это пробравшиеся туда грабберы, то ли боевики Везалия. Шарахнуть по ним мы не можем – по каким причинам, я уже объяснил. Но кто-то там есть, это точно. Больше того, Территория Хаоса охраняется. Люди, побывавшие на Территории Хаоса, рассказывали, что видели боевые группы, патрулирующие местность. Я им не очень-то верю, но наши разведданные совпадают с тем, что они говорят. Территория Хаоса – не мертвая земля, там что-то готовится – что-то нехорошее. Вообще, там происходит масса странного.

– Простите за любопытство, но к чему вам эта территория?

– Если где-то на Аваллоне и есть Панацея, то только там. И потом, доктора Везалия и его ближайших сотрудников так и не нашли. А между тем они здесь, на Аваллоне. Это так же верно, как то, что я сейчас с вами беседую.

– Прошло сто лет, вы сами сказали. Доктор Везалий давно умер.

– Доктор Везалий принимал Панацею. Он бессмертен. Панацея не просто лекарство – это эликсир бессмертия, олимпийская амброзия. Вы и сами это знаете.

– Вы уверены?

– Месяц назад по компьютерным сетям Аваллона прошел видеоролик доктора Везалия. То, что на видео был снят сам Везалий, а не его двойник, экспертиза определила абсолютно точно – подделать можно внешность, но не голос. Он обратился к властям Земли с требованием немедленно начать реабилитацию планеты, в противном случае угрожал расстроить все мероприятия по освоению Аваллона. К сожалению, чиновники МГКС приняли эту трансляцию за розыгрыш. Наши тупоголовые государственные чинуши до сих пор не верят в существование Панацеи.

– А вы верите в ее существование?

– Вчера этот вопрос я задавал вам. И вы сказали, что вы верите.

– Это не ответ.

– Она существует, Ник. Везалий отправлял экспериментальный образец Панацеи на Землю в доказательство того, что он не блефует. Это абсолютно точные сведения, и что там собой представляла Панацея, какие результаты дало ее изучение, засекречено до сих пор. А если она существует, то есть только один человек, который владеет ей – доктор Андре Везалий. Гребаный сумасшедший маньяк, засевший на Территории Хаоса в окружении своих последователей и под охраной боевиков и еще неизвестно чего. Теперь понимаете, почему я и мои люди здесь находимся?

– Что же вам мешает самостоятельно схватить доктора? Думаю, за этот подвиг вам будет признателен и МГКС и все человечество. Панацея станет для вас полным отпущением грехов, никто и не вспомнит, что вы нарушили статус демилитаризованной зоны.

– Я думал об этом. Был такой соблазн – снарядить два-три отряда спецназа и послать на Территорию Хаоса. Однако это невозможно. Нас контролируют наблюдатели из Западного Альянса. Мы пасем их, они – нас. Наши резкие движения они воспримут как сигнал к началу травли Везалия и тут же вмешаются сами, уже открыто. Опоздать не желает никто. Каждый хочет первым заполучить Панацею и оставить другого в дураках. А здесь уже и до войны недалеко. Учтите еще и то, что если удастся схватить и самого Везалия, тогда победитель получит все козыри в колоде – не только сам эликсир, но и технологию его получения.

– Понятно. И вы решили…

– … Использовать грабберов? Именно. Грабберы не подчиняются никому, кроме своих выборных шерифов. Конечно, грабберы не смогут сами совладать с доктором и его шайкой, но они имеют закрепленное законом право шататься повсюду и у них есть глаза и уши. И эти глаза и уши должны собирать информацию для нас. Уверен, что и Западный Альянс имеет среди грабберов немало агентов. Наша задача – опередить их. Панацея должна попасть к нам. И если вы мне поможете, я обещаю вам, что вы получите к ней доступ.

Северянин почувствовал, что ему не хватает воздуха. По глазам Зебровски он понял, что майор не лжет. Военные очень хотят получить Панацею. И если они ее получат, то…

– Где гарантии, что вы меня не обманете? – спросил Северянин.

– Только мое слово. И вам придется в него поверить.

– Почему я должен вам верить?

– Потому что у вас нет выбора.

– А если я откажусь сотрудничать с вами?

– Это было бы самым ошибочным решением, которое только можно принять.

– Вы тогда убьете меня, верно?

– Нет. Мы передадим вас в руки МГКС, и вас депортируют с Аваллона. И вы никогда не найдете Панацею, чтобы вернуть к жизни свою жену. Остаток жизни вы будете упрекать себя в том, что у вас был шанс, а вы его не использовали.

– Но почему именно я? Объясните мне, какая блажь заставила вас выбрать меня? Я всего лишь ученый, кабинетный червь, романтик и идеалист. Я не солдат, я никогда не держал в руках оружия. Я провалю любую миссию, которую вы мне поручите. К чему так рисковать?

– Почему вы? – Глаза Зебровски сверкнули. – И в самом деле, почему? Не проще ли было избавиться от вас? Знаете, вы правы. Я, наверное, вас отпущу на все четыре стороны. Можете убираться в Загон или в Ураниум-Сити, продолжать искать счастья в отравленных развалинах очередного завода или в подземельях, полных всякой хищной кровожадной погани, вроде скрэтчей или полиморфоидов. Это ваше право. Но все же я не хочу, чтобы вы, Ник, были на меня в обиде. На прощание я хочу сделать вам подарок. У вас нет ничего. Вам нужны деньги на снаряжение. Возьмите эту кредитку. Здесь достаточно денег, чтобы снарядиться для поисков счастья по первому разряду.

У Северянина внезапно появилось легкое головокружение. Что-то мелькнуло в глазах майора Зебровски – что-то неуловимое, но непонятно властное, заставляющее поверить этому человеку и довериться ему. Северянин заморгал, будто стряхивая внезапно нахлынувшую сонливость, потом перевел взгляд на предмет в руках майора. Зебровски говорил о кредитке – в его пальцах был просто листок бумаги. Белый листок размером с сигаретную пачку и без всяких надписей. Просто белая чистая бумажка.

– Это… не кредитка, – неуверенно произнес Северянин. – Я не понимаю…

– А я понимаю. Верно, я показал вам обычный листок из своего блокнота. И вы сказали, что это листок. Другой человек взял бы у меня его, будучи уверенным, что получил кредитку с приличной суммой на ней.

– Вы что, псионик?

– И довольно сильный. – Зебровски убрал бумажку, перестал улыбаться. – В разведке много чему обучают, а у меня всегда были экстрасенсорные способности. Я могу контролировать сознание людей. Но ваше сознание я

контролировать не могу. Вот вам ответ, почему я выбрал вас. Фокус с импульсом, который убил всех, кроме вас, заинтересовал меня. Дальнейшее наблюдение за вами убедило, что я оказался прав. Вы неоценимый человек, Ник. Вы не поддаетесь пси-воздействию.

– Никогда не думал, что это так.

– Вот видите, вы себя недооценили. А я знаю вам цену. И миссия, которая вам предстоит, еще раз подтвердит вашу ценность для нас.

– Что за миссия?

– Вы сказали, что вы не солдат. Представьте себе, я тоже. Когда-то я работал в цирке, и меня точно так же нашел мой вербовщик. Для того чтобы стрелять и взрывать, у меня есть другие молодцы. А вы найдете для нас Контактера.

– Он тоже граббер?

– Мы не знаем, кто он. Восемь моих агентов погибли за последние шесть месяцев, и всегда их гибели предшествовало одно странное обстоятельство – находился некто, предлагавший им провести их на Территорию Хаоса. Возможно, все восемь встречались с одним и тем же человеком. Мы назвали его Контактер. Поначалу мы предположили, что Контактера наводят на наших агентов, но последнего агента вербовал лично я, и никакой утечки быть не могло. Это и еще кое-какие нюансы в поведении моих погибших агентов позволяет предположить, что Контактер обладает пси-способностями. Вот его вы мне и найдете. Задание весьма опасное, потому что мы не знаем, с кем вам придется встретиться.

– То есть как в сказке: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», – усмехнулся Северянин. – Тогда ответьте мне на один вопрос. Какое задание получали ваши погибшие агенты?

– У всех было одно задание – найти след Везалия. Сразу скажу вам, Ник, что среди них были профессиональные военные, настоящие мастера своего дела. Я никак не могу понять, на чем они прокололись. Когда погибло четверо моих людей, я решил использовать грабберов. Завербовал одного парня по прозвищу Хорек. Его труп нашли близ Ураниум-Сити через неделю после вербовки. Потом

погибло еще двое ребят, работавших на меня. Последнего агента, как я уже сказал, я готовил сам, но и он закончил печально.

– И вы решили, что Контактер – псионик?

– А как вы можете объяснить тот факт, что он сам на них выходил? Больше того, предлагал им именно то, что входило в их задачу – безопасный проход на Территорию Хаоса. А потом они гибли. Похоже, Контактер просто сканировал их мысли. По-другому объяснить провал моих разведчиков я не могу.

– Значит, я должен найти Контактера, или, вернее, он должен меня найти. А потом что?

– Потом вам придется его уничтожить. Или, что еще лучше, заставить работать на нас. Если Контактер убирает тех, кто хочет проникнуть на Территорию Хаоса, значит, он работает на Везалия и его шайку. Мы получим информацию об этом сукином сыне, которого уже восемьдесят лет не могут поймать все спецслужбы Земли. А там и до тайны Панацеи рукой подать.

– Странно все-таки, – сказал Северянин. – Один человек. И планета вроде невелика. А поймать не могут. Чем объяснить такое противоречие?

– Я могу объяснить. Везалий сегодня – враг для всех. Все эти годы он сидел тихо и не привлекал к себе внимания, вот и не доходили до него руки. Он примиряет на Аваллоне все стороны: и правительственные структуры, и местных авторитетов, и нас, и Западный Альянс. Пока не раскрыта тайна Панацеи, Везалия нужно беречь. Вот когда Панацея попадет к нам в руки, он станет не нужен никому. Тогда Территорию Хаоса просто накроют одним хорошим залпом, и все. И кранты доктору Везалию и его касте Бессмертных. Всем нужна Панацея, Ник. Только она. И ради нее каждый готов рискнуть.

III. День третий

Панацея (греч. Panakeia – всеисцеляющая) – таинственное вещество, встречающееся только на планете Аваллон. Химический состав, физические

свойства и генезис П. неизвестны: предположительно П. представляет собой некое высокомолекулярное органическое соединение, продукт жизнедеятельности простейших организмов или других живых существ, обитающих на Аваллоне. По не-которым данным П. даже в микродозах способна оказывать на живой организм комплексное регенерирующее действие. Есть данные, что П. способна останавливать апоптоз живых клеток и тем самым делать живой организм бесконечно регенерирующим, то есть нестареющим и бессмертным.

Все попытки получить П. искусственным путем в земных условиях ни к чему не привели.

Дж. Таунсенд, К. Гриф.

Краткий справочник астробиолога

Сегодня с утра в голове все время крутится строчка из давно прочитанного стихотворения: «Был летний сон на голубой веранде…» Что-то такое, хотя не ручаюсь, что я точно помню даже первую строчку. У меня всегда была скверная память на стихи. И еще – сегодня во сне я видел Катю. Это было как воспоминание о Земле: в моем сне был солнечный день, бушующий июньской зеленью парк, скамейка, на которой мы любили вместе сидеть. Катя была там одна и кормила расхаживающих по аллее голубей, бросая им кусочки сдобной булки. Она смеялась – ее забавляли упитанные суетливые голуби, их неуклюжая походка вразвалочку, их трогательные красные лапки. А я пытался подойти к ней и не мог. Только стоял и любовался ей издалека. Она была совсем такой, как в тот год, когда мы познакомились, – свежая, юная и прекрасная. Такой она была все те четыре года, что мы были вместе, до тех пор, пока ее не настигла болезнь. «Был летний сон на голубой веранде»…

Завтракал я один – майора не было. С утра я видел только доктора; он зашел ко мне, чтобы осмотреть меня. Я попытался задать ему пару вопросов о майоре, но доктор перевел разговор на другую тему. Сказал, что у меня немного повышено давление и мне следует меньше беспокоиться. Оставил какие-то зеленые таблетки, объяснил, как их принимать, и ушел.

Время идет к полудню. Думаю, обедать я все-таки буду вместе с Зебровски. У него наверняка есть, что мне рассказать. Я бы хотел с ним пообщаться. Майор производит впечатление очень знающего человека. Или это его псионическое

воздействие? (Шучу!)

Я полагаю, что Зебровски не будет долго заниматься моей подготовкой. По непонятным для меня причинам ему нужен именно агент-дилетант. Или это изощренная хитрость, или меня используют как расходный материал. Надо попытаться выяснить это у Зебровски. Конечно, он ничего мне не скажет, но я неплохой физиономист и смогу догадаться, когда он говорит правду, а когда лжет. Мне кажется, что за минувшие дни я довольно хорошо изучил майора и смогу сделать из общения с ним правильные выводы.

* * *

– Ну что, как вам агрегат?

– Неплохо. – Северянин аккуратно положил сверкающий антикоррозийным покрытием автомат на стол. – Но мне больше по душе пистолеты.

– Пистолет – оружие самоуспокоения, – с усмешкой ответил Зебровски. – Его покупают себе мелкие торговцы и дамочки с сомнительной репутацией, наивно полагая, что он защитит их в опасную минуту. Первое правило боя: используй пистолет только тогда, когда больше нечем себя защитить!

– Значит, мне следует взять автомат?

– Жить хотите? Я хорошо помню, с каким оружием вы попали к нам, Ник. Старенький тепловой пистолет, кажется «делл-стингер». Уверен, вы купили его втридорога. Если не секрет, за сколько вы его купили?

– Не секрет. За две сотни.

– Полсотни переплатили. В Загоне принято продавать новичкам, или, как говорят грабберы, «черенкам», всякое маломощное старье. Конечно, из «стингера» вы легко зажарите мозги пьяному хулигану или прикончите скрэтча, но в серьезном бою он бесполезен. Любой парень со скорострельным оружием прикончит вас в мгновение ока. Говорю как профессионал. Знаете, почему армия до сих пор использует баллистическое оружие, а не лучевое? Оно эффективнее и намного надежнее.

– Вы собираетесь вооружить меня, как спецназовца, так?

– Конечно, – серьезно сказал Зебровски. – Мертвый вы мне не нужны, нужны живой. А на Аваллоне хорошее оружие – один из главных ключей к выживанию. И я намерен хорошенько вас экипировать. Возьмите автомат, который вы только что брали в руки. Вот это оружие защитит вас в любой ситуации. Будь вы хорошим стрелком, я бы посоветовал вам наш стандартный огнестрельный комплекс КА-8500, но он требует хорошей практики и постоянного ухода. Так что остается АС32.

– Мне придется учиться с ним обращаться.

– Особой подготовки не потребуется. Для начала запомните, что в АС-32 есть все, что вам нужно. Этот автомат разрабатывали для спецназа военно-космических сил. Идеальное оружие для Аваллона. Снабжен электронным прицелом, лазерным дальномером и сканером-целеуказателем. Стреляет пулей-плазмоидом на восемьсот метров, с четырехсот метров уложит слона с пяти выстрелов. Обойма на двадцать пять зарядов, хорошая скорострельность. Патрон калибра 3.93 вы купите у любого лавочника. К АС-32 можно присоединить подствольный гранатомет или огнемет. И весит немного, почти на полкилограмма меньше, чем КА-8500. А главное – надежен, как электронные часы. Не боится пыли, воды, ударов и высоких температур.

– Вам нужно работать менеджером в оружейном магазине, – улыбнулся Северянин.

– Я люблю оружие, Ник. Проживете на этой поганой планете еще месяц – тоже полюбите его всей душой… Итак?

– Я доверяю вам. Пусть будет АС-32.

– Новенький автомат я вам не дам. Не нужно вызывать у людей подозрений. Получите другой, точно такой же, но уже бывший в деле. Не беспокойтесь, он ничем не хуже этого. И еще двести пятьдесят патронов к нему. Оцените мою щедрость, Ник – торгаши взяли бы с вас за такой арсенал не меньше пятнадцати тысяч.

– Вы очень добры ко мне. Говорю без иронии.

– Давайте подумаем, чем я еще могу вас вооружить. Пистолет? Оставьте себе ваш «стингер». Пригодится. Дам вам еще подствольный огнемет к АС-32. Отличная вещь: весит немного, а со ста метров вы сможете выжечь весь кислород в комнате втрое больше этой. Правда, термобарические гранаты к нему нечасто встретишь у торговцев оружием, но десяток гранат я вам подарю… Осталось защитное снаряжение. Пойдемте.

Северянин покорно проследовал за майором в соседнее помещение, напоминавшее камеру хранения. Майор отпер электронным ключом замок одного из шкафов, достал оттуда большой металлический чемодан и раскрыл его. Внутри лежал новенький бронекомбинезон и шлем из черного пластика с забралом.

– Это шедевр инженерной мысли, Ник, – с довольным видом заявил Зебровски. – Термобронекомбинезон, разработанный специально для наших спецподразделений во Внеземелье. Не знаю, есть ли у Западного Альянса что-нибудь подобное, но этот комплекс приводит меня в восторг, хотя я человек не впечатлительный. Он весит всего пятнадцать килограммов, но защитит вас от основных угроз, существующих на Аваллоне. Наружный слой – термоткань, выдерживающая температуру до тысячи градусов. Под ней теплоизоляционный слой, который к тому же выполняет роль амортизатора ударов и поглотителя некоторых видов излучений одновременно. И внутренний слой из фиброметаллиновой нити, настолько прочной, что плазмоид калибра 3.93 не пробивает его с двухсот метров, а уж пистолетные боеприпасы и вовсе против него бессильны. Вы будете защищены настолько надежно, насколько это вообще возможно.

– Звучит утешающе, – улыбнулся Северянин. – Я вижу, вы весьма щедрый работодатель. Это чудо наверняка стоит кучу денег.

– Столько же, сколько неплохой гидромобиль. Но из вашего жалования я за него не вычту ни гроша. Вы же теперь у нас на довольствии, агент Северянин! Только мы его немного испортим, точнее, сгоним с него блеск новизны, как и с оружия. Явитесь в таком новеньком ТБК в Ураниум-Сити, сразу вызовете подозрения. После некоторой доработки ваш ТБК будет выглядеть как обычный защитный комплект среднестатистического граббера.

– Шлем тоже входит в комплект?

– Да, но его мы царапать гвоздем не будем. Это стандартный шлем УВА, такие продаются на каждом углу. Мы только немного доработали его. Кроме галогенового фонаря на тысячу свечей и прибора ночного видения, мы вмонтировали в шлем систему экстренной подачи кислорода – это на случай болевого шока или кислородного голодания, – биосканер, детекторы излучений и отравляющих веществ, а еще телефон и навигационную систему NAVGAT, которая будет взаимодействовать с нашим спутником. Забрало у него герметическое, опустите его, и можете лезть хоть в абсолютный вакуум.

– В таком снаряжении я стану просто суперменом.

– В нем вы останетесь живы, а это важнее. Геройствовать и спасать человечество вас никто не призывает. Ваша задача – найти Контактера. Как только знакомство состоится, вы свяжетесь с нами, а там уж видно будет. Сможете убрать его сами, я возражать не буду. Не сможете – я найду человека, который его нейтрализует. – Майор закрыл чемодан и вернул его на место. Северянин молча наблюдал, как Зебровски запирает дверь сейфа. – Пойдемте пить чай.

– Я бы хотел получить ответ на один вопрос, майор.

– Поговорим за чаем. Идемте.

– Не стоит портить удовольствие от чаепития. Давайте сначала объяснимся начистоту. Я кое-что читал о работе разведки и знаю, что иногда она использует в своей работе дилетантов. В качестве эдакой наживки, на которую ловят свою добычу. Дилетант ничего не стоит, он расходный материал, пешка. Я хочу знать – я для вас тоже расходный материал?

– Мне кажется, я вчера ответил на все ваши вопросы, – неожиданно резко ответил Зебровски. – Повторяться я не намерен.

– Поймите меня правильно. Я боюсь, но не за себя. Если я погибну, Катя…. останется совсем одна. Мне необходимо вернуться к ней, понимаете? Я не о себе думаю, моя жизнь имеет ценность, только пока жива Катя. Будьте со мной откровенны, прошу вас.

– Я все сказал, – уже мягче и с некоторой усталостью в голосе ответил Зебровски. – Ваша смерть мне ничего не даст. Наоборот, я заинтересован в том, чтобы вы выполнили задание и остались живы. Стал бы я снабжать, как вы выразились, расходный материал снаряжением, которое стоит кучу денег? Вот вам и доказательство. Идемте, чай остывает.

– Я все лишь хотел…

– Я понял, чего вы хотели. Помните, что теперь вы наш агент. Вы наш человек. И мы заинтересованы в вашем успехе, а не в вашей смерти.

Северянин молча кивнул. Зебровски был убедителен. Возможно, большей откровенности от разведчика требовать нельзя. Что ж, за чаепитием можно опять вернуться к этому разговору. Но уже сейчас у Северянина появилось некоторое успокоение. А потом, когда они уже шли по коридору к кают-компании, пришла другая и очень неожиданная мысль: а чего он, собственно, так беспокоится? Он едва не погиб три дня назад. Он по доброй воле пошел за Костылем, прекрасно понимая, что может погибнуть на пути в Долину Снов. И теперь шансов получить Панацею у него больше. А это значит…

Это значит, что Зебровски сказал ему все, что ему требовалось знать. И нет смысла еще раз возвращаться к этому разговору.

IV. День четвертый

«Галактика» – особое управление Военно-космических сил Восточной Конфедерации, основанное в 2155 году. Включает в себя Единый центр управления спецоперациями во Внеземелье (S.O.C.C.), Аналитическое Управление и центры планирования операций, расположенные во Внеземелье. Главными задачами управления «Галактика» являются сбор и обработка информации о потенциальных угрозах, возникающих при освоении Вселенной, борьба с галактическим терроризмом, бандитизмом и незаконной торговлей (совместно с полицейскими подразделениями). Количественный состав подразделений «Галактики» не известен. Более подробную информацию о спецуправлении «Галактика» можно получить в Старнете на сайте

ggw.spyinfo.uv.

Итак, сегодня утром я наконец-то получил полное представление о моей миссии. Я должен найти и по возможности нейтрализовать Контактера. Однако это не все. Зебровски наконец-то был со мной откровенен до конца. Кроме Контактера мне предстоит встретиться с группой, которую возглавляет граббер по прозвищу Апостол. Зебровски говорит, что они уже давно наблюдают за этим парнем, и Апостол может быть для них очень полезен. Все дело в том, что этот самый Апостол и его приятели несколько раз проникали на Территорию Хаоса и возвращались оттуда живыми – по крайней мере, такую информацию сообщили Зебровски его агенты в Ураниум-Сити. Про эту команду на Аваллоне ходят легенды. Майор считает, что именно группа Апостола может помочь напасть на след доктора Везалия. Мне необходимо уговорить Апостола совершить еще одну вылазку на Территорию Хаоса и попытаться проникнуть туда вместе с ними. А чтобы Апостол принял меня в свою группу, Зебровски дал мне то, за что каждый граббер выложит любые деньги, – подробнейшую 3D-карту Территории Хаоса с описанием всех находящихся там объектов. Теперь эта карта записана на кристалл моего «перса». Это слишком сильный соблазн для Апостола. Но сначала надо встретиться с граббером по кличке Плантатор. Он у Зебровски вроде как осведомитель. Выйти на группу Апостола я смогу только через него. Для встречи с Плантатором завтра я отправлюсь на запад, к Ураниум-Сити. Как я и предполагал, Зебровски все еще считает, что я могу принести разведке большую пользу. Дай Бог! Для меня главное – выпутаться из этой истории. Я очень боюсь, что ничего у меня не выйдет.

На шесть вечера Зебровски назначил мне, как он выразился, «выпускной экзамен». Я понятия не имею, что это такое, и потому меня мучает сильное беспокойство. Майор не стал ничего объяснять, сказал только, что я сам все увижу. И еще обещал угостить меня настоящим французским шампанским, если я сдам экзамен. Мне только остается надеяться, что я сумею выполнить все, что от меня потребуют. Подождем до вечера. Одно радует – завтра я буду относительно свободен. Эта база начинает угнетать меня. Мне не хватает человеческого общества – кроме майора и еще доктора я никого не вижу. Я иногда сомневаюсь, есть ли здесь кроме нас троих еще люди.

Великий Боже, в какое же дерьмо я ввязался! Если раньше я думал только о Кате, то теперь чаще ломаю голову, как мне выбраться из всего этого. Никогда даже представить себе не мог, что мне придется иметь дело со спецслужбами. Жизнь все-таки совершенно непредсказуемая штука. Ладно, пусть все идет, как

идет. У меня все равно нет выбора. Пока нет. Только бы выбраться с базы, а там посмотрим, что и как. До поры до времени придется работать на Зебровски. А дальше…. Дальше видно будет.

* * *

Тьма внутри тоннеля была такая густая, что ее, казалось, можно пощупать пальцами. Луч галогенового фонаря уходил в нее, как в толщу черной воды, выхватывая осклизлые, заросшие плесенью стены. Северянин мог слышать доносившиеся из тоннеля звуки – монотонный стук и завывания. Он попробовал носком ботинка хлюпающую почву под ногами, шагнул вперед, потом сделал еще шаг, и еще, и еще. Справа в стене тоннеля открылся черный провал, достаточный, чтобы пропустить человека.

Северянин открыл крышку пульта на поясе, нажал вызов карты. Вспыхнувшая на мгновение на внутренней стороне забрала гермошлема видеопанель неожиданно для Северянина стала матово-черной – схемы тоннеля в памяти его «перса» не было. Собственно, с той самой минуты, как он спустился по лестнице в подземелье под цехами по производству биомассы, компьютер перестал давать ему ориентировку – видимо, схемы подземных коммуникаций на кристалле не было. Северянин выругался – майор или чего-то не досмотрел, или попросту его обманул. Комплект карт Территории Хаоса оказался неполным. И черт его знает, в какую сторону ему идти, прямо, или же сворачивать в провал.

Северянин попытался представить себе, в каком направлении ему идти. Перед тем как войти в подземелье, он посмотрел на компас – вход в подвал был с южной стороны. Все это время он шел по тоннелю сначала на северо-запад, потом на север. Если он свернет в открывшийся провал, то возьмет направление на восток. Что у нас на востоке? На общей карте Территории Хаоса восточнее завода находились корпуса исследовательского центра «Ренессанс Инджиниринг». Ого, это уже интересно. Стоит попробовать заглянуть в боковую ветку тоннеля.

За провалом начиналась анфилада небольших пещер, то ли природных, то ли кем-то когда-то пробитых в толще известняка. Под ногами хлюпал известковый раствор, и Северянину казалось, что даже в гермошлеме он чувствует запах свежей побелки. Пройдя пятую или шестую пещеру, он очутился в новом тоннеле, больше похожем на огромную бетонную трубу. Скорее всего, здесь

когда-то была транспортная ветка, по полу тоннеля был проложен монорельс. Северянин с облегчением вздохнул; кажется, он все-таки нашел правильный путь. Скоро скитания по подземелью должны закончиться, и он выйдет наконец на поверхность, к свету.

Не успел Северянин подумать о свете, как его фонарь начал тускнеть. Черт, выругался Северянин, черт, черт! Надо быть форменным кретином, чтобы сунуться в подземелье, не проверив зарядку аккумулятора. Он быстро перевел фонарь в экономный режим и прибавил ходу. Однако его ждала новая неприятность – путь впереди преградил поваленный набок вагон. Луч света выхватил его проржавевший остов, густо заросший плесенью, будто корпус потонувшего судна – кораллами. Путь дальше был закрыт.

«Я должен пройти, – подумал Северянин. – Я обязательно должен пройти, обратного пути у меня нет. Поверну обратно, опять буду плутать по полуразрушенным корпусам завода, теряя время и силы». Северянин отключил фонарь на шлеме, включил запасной, который достал из рюкзака. Он еще в Уваре заметил, что грабберы часто привязывают фонарь липкой лентой к стволу автомата. Теперь эта уловка очень ему помогла: опустившись на корточки, Северянин тщательно осмотрел пространство под вагоном. Ему показалось, что слева, у самой стены тоннеля, зазор между корпусом вагона и бетонным полом тоннеля достаточно велик, чтобы в него ползком мог протиснуться человек. Рискнуть или не рисковать, поискать обходной путь? Вагон насквозь проржавел, может потерять равновесие при малейшем толчке, завалиться, и тогда его неминуемо раздавит. Сердце у Северянина бешено заколотилось. Когда-то в детстве он лазал по чердакам и новостройкам, проникая во все возможные и невозможные закоулки, ужом пролезая между строительными конструкциями. Но тогда ему было двенадцать лет, а не тридцать семь. Тогда он даже не задумывался над тем, что его может задавить или же он рискует застрять в какой-нибудь трубе или между плитами. Через двадцать пять лет приходится вспоминать опасные детские забавы.

Северянин лег на живот и начал осторожно втискивать себя в узкое пространство между полом и бортом вагона. В какое-то мгновение ему показалось, что он застрял, и его охватил приступ клаустрофобии. Однако он всего лишь зацепился лямкой рюкзака за торчащий из вагона железный штырь. Северянин освободил рюкзак и после, уже без всяких осложнений, прополз под вагоном.

– Уф! – вздохнул он. – В спелеологи не пойду. Хреновая у них работа.

Стряхнув с комбинезона пыль, Северянин двинулся по тоннелю вперед, обходя нагромождения битого камня и клубки исковерканной стальной арматуры. Пискнул биосканер в шлеме – впереди было что-то живое. Зебровски предупреждал, что биосканер очень чувствительный и может реагировать, например, на большие массы вездесущей белесой плесени. Но сигнал повторился, а потом биосканер зажегся оранжевым тревожным огоньком.

Северянин на всякий случай проверил автомат, на ходу перезарядил его и поставил на предохранитель. Огонек биосканера горел постоянно – нечто было довольно близко. Северянин остановился. Темнота в тоннеле стала казаться угрожающей. Протянув руку к шлему, Северянин щелкнул тумблером прибора ночного видения; на несколько секунд он увидел пространство тоннеля перед собой, залитое зеленоватым свечением. Ему показалось, что вдалеке что-то промелькнуло, но рассмотреть, что именно, Северянин не успел – прибор ночного видения отключился. Аккумулятор сел безнадежно. Северянин облегчил душу несколькими фразами, в которых большинство слов были непечатными, но его ругань ничего не могла изменить.

– Хорошо, – пробормотал он. – Попробуем так!

Выстрел из подствольника был совсем негромким, похожим на хлопок в ладоши, зато секунду спустя весь тоннель потряс мощный взрыв. Термобарическая граната наполнила тоннель облаком пламени, а ударная волна едва не сбила Северянина с ног. А потом стало звеняще тихо. Оранжевый огонек биосканера погас.

– Так-то лучше, – сказал Северянин и пошел вперед.

Через двадцать пять или тридцать метров он натолкнулся на труп скрэтча. Тварь была очень крупной – величиной, пожалуй, с сенбернара. Она лежала на спине, запрокинув голову с узкой мордой и хищно торчащими резцами. Шкура скрэтча обуглилась и жирно блестела в свете фонаря. Северянин обошел тушу чудища и поспешно вставил в подствольник новую гранату – скрэтчи никогда не охотятся в одиночку, раз был один, значит, рядом где-то есть еще как минимум одна тварь. Однако сканер молчал, и Северянин немного успокоился.

Тоннель неожиданно закончился глухим тупиком. Северянин постоял несколько секунд, размышляя, как быть, потом сообразил, что если в тоннеле был скрэтч, значит, он откуда-то сюда пролез. Он повернул назад и двинулся по тоннелю, осматривая каждую выемку в сплошном бетоне. Очень скоро он натолкнулся на полуоткрытую металлическую дверцу, ведущую, по всей видимости, в инженерную шахту. За дверью оказалась крошечная служебная комнатушка с разбитым пультом управления, из которой спиралевидная решетчатая лестница вела вниз, в генераторный зал. Генераторы давно вышли из строя и заржавели, пучки проводки торчали во все стороны, под ногами громыхали какие-то железки, которыми был усеян пол. Северянин прошел через генераторный зал и, отыскав открытую дверь, снова оказался в тоннеле.

«Однако, уж очень намудрили тут строители», – подумал он. У него промелькнула мысль, а не заблудился ли он – уж очень новый тоннель был похож на тот, в котором он был вначале. Однако компас показывал, что он все это время продолжал идти на восток. Ошибки быть не могло. Северянин остановился, чтобы поправить съехавший набок рюкзак. И в этот момент биосканер отчаянно запищал.

К нему из глубины тоннеля метнулись сразу два скрэтча. Северянин не успел среагировать и снять автомат с предохранителя – первый скрэтч прыгнул, сбил человека с ног. Падая, Северянин выронил автомат. Второй скрэтч подскочил к упавшему, свирепо сверкнул маленькими красными глазками. Северянин попытался лягнуть его ногой в морду, попал по передней лапе твари, сам получил удар в ответ, и хотя ТБК выдержал его, ногу пронзила боль. Не пытаясь искать потерявшийся автомат, Северянин выхватил «стингер», нажал на спуск. Полыхнул белый огонь, тепловой импульс ударил в стену. Второй выстрел оказался точнее, задев одного из скрэтчей – раненная тварь со злобным шипением метнулась в сторону. Северянин выстрелил еще два раза, и недобитый скрэтч дымящимся комом покатился по тоннелю, отброшенный убившим его импульсом. Второй монстр тут же шмыгнул в темноту, и через секунду Северянин услышал его крик – мерзкий, протяжный, будто обиженный.

– Мать вашу! – Северянин встал на колени, потом попытался встать на ноги. Его внезапно замутило, сердце подступило к горлу. Что-то щелкнуло, и в маску шлема стала поступать смесь кислорода с противоболевым аэрозолем. Северянину сразу полегчало. Нога, по которой его ударил скрэтч, была в порядке – легкий ушиб, не больше.

– Ну, вот, а Зебровски ругал тепловые пистолеты, – сказал Северянин, разыскивая свой автомат. – С трех выстрелов гада зажарил!

Автомат нашелся рядом с трупом убитого скрэтча. Сканер больше не пищал, И Северянин, успокоившись, пошел дальше. Тоннель оказался очень длинным – ему пришлось идти еще метров двести-двести пятьдесят. Размышляя, к чему строители этих катакомб его прорыли и каково его назначение, Северянин добрел до конца тоннеля. Здесь двери не было, зато в полу зияло отверстие люка. Посветив фонарем, Северянин увидел лестницу, ведущую вниз.

Он быстро спустился в люк. Внизу было озерцо бурой студенистой жижи с шапками белой пены на ней. Северянин оказался в ней по пояс. Жижа противно булькала, когда он пошел, подняв над головой автомат. Возможно, он сейчас бредет в крайне агрессивной среде. Если так, то вся надежда на ТБК. Кстати, Зебровски ничего не говорил о том, насколько этот хваленый комбинезон устойчив к воздействию разных кислот и биогелей.

Впереди замаячили очертания металлической лестницы, ведущей наверх. Северянин вскарабкался по ней, роняя с комбинезона комья мерзкой тягучей слизи, оказался на решетчатой галерее, ведущей над озерцом. Металл был изъеден коррозией, кое-где в полу зияли дыры, но Северянин успешно добрался до очередной лестницы и снова полез наверх. Времени ломать голову над тем, кому понадобилось устраивать под лабораториями «Ренессанс Инджиниринг» такой лабиринт, не было, тем более, что Северянин, поднявшись по лестнице, оказался под запертой крышкой люка. Он попытался сдвинуть ее – крышка заскрипела и поддалась. В глаза ударил поток света. На этот раз Северянин очутился в ярко освещенном месте, похожем на склад или ангар.

– Тяжек ты, хлеб граббера! – усмехнулся Северянин, выбираясь из люка. – Ну, здесь хоть свет есть. Это хорошо. А хорошо тут быть не может. Вывод – ждем очередной подляны.

Он зашагал по неширокому проходу между ящиками и контейнерами, озираясь по сторонам и держа палец на спусковом крючке автомата. Ангар был безлюден, но это не удивляло – обычно погрузки производят специальные роботы. Северянин дошел до дальнего конца склада, но выхода не обнаружил – видимо, он находился с другой стороны.

– ВНИМАНИЕ! ПОГРУЗЧИКАМ 6 И 6-БИС СЛЕДУЕТ ПРИБЫТЬ НА ПЛОЩАДКУ № 7! НАЧИНАЕМ РАЗГРУЗКУ ЗВЕЗДОЛЕТА «АНГАРА». ПОВТОРЯЮ…

Странно, с каких это пор на Территории Хаоса садятся земные звездолеты? Вот и раскрылась конечная цель его миссии. Зебровски ничего ему не сказал, но теперь все понятно. Земные компании торгуют с Везалием, потому-то бессмертный доктор-гений и остается неуловимым. Сообщить Зебровски сразу? Нет, его тут же запеленгуют. Лучше подождать, посмотреть, что творится на площадке № 7. А вдруг они будут грузить Панацею?

– ВНИМАНИЕ! ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ЖЕЛТАЯ ГОТОВНОСТЬ НА ПЛОЩАДКЕ № 4! ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ ПОКИНУТЬ ПЛОЩАДКУ! ПОВТОРЯЮ…

Над головой Северянина внезапно ожил козловой кран, заскрипел, заухал, покатился на направляющих к дальней стене ангара. Северянин прибавил шаг. Ни людей, ни роботов ему пока не попадалось. Странное безлюдие. Между тем для кого-то делаются объявления. Где все?

Нырнув в очередной коридор между контейнерами, Северянин увидел впереди выход – двери ангара были широко распахнуты. И было тихо. Громкоговоритель больше не издавал ни звука, и кран замер в непонятном ожидании.

– Дяденька!

Северянин вздрогнул. Биосканер настойчиво предупреждал о присутствии поблизости живого существа, однако на этот раз это были не скрэтчи. Он ожидал увидеть в этом ангаре все, что угодно, но только не ребенка. Девочка появилась у входа в ангар. Хорошенькая белокурая девочка лет двенадцати в нарядном розовом комбинезончике.

– Дяденька! – Она всплеснула руками, радостно улыбнулась Северянину. – Ой, как здорово, что ты здесь!

– Почему? – Северянин опустил автомат дулом к земле. Не надо пугать ребенка, направляя на него ствол.

– Потому что страшно тут. Нет никого. А я папу жду. Мы должны были сейчас на посадку идти, а он куда-то ушел и не сказал куда.

– Может быть, он очень занят. – Северянин шагнул к девочке, поднял забрало шлема. – Тебя как зовут?

– Августа. А тебя?

– Ник. Дядя Ник.

– А ты что здесь делаешь?

– Ничего. Просто так гуляю. А что?

– У тебя вся одежда в грязи. И пахнет от тебя очень-очень плохо. – Девочка наморщила носик. – Ты, наверное, граббер.

– Граббер.

– Интересно. – Августа наклонила голову, рассматривая Северянина. – Никогда не видела живого граббера.

– Какая ты забавная, – улыбнулся Ник. – Живешь на Аваллоне, а грабберов живых не видела.

– В самом деле, дядя Ник. – Августа направилась к Северянину, и он вдруг понял, что это не ребенок, а что-то совсем другое, неизвестное и смертоносное. – Я вообще-то не могу видеть. Только чувствую. А сейчас мне впервые удалось увидеть живого граббера. Как интересно!

Северянин вскинул автомат, но выстрелить не успел – Августа уже была рядом. Его биосканер отчаянно пискнул и замолк. А потом Северянин вдруг увидел, как хорошенькая девочка Августа вдруг в одну секунду превратилась в бесформенный розоватый студень, который облепил его с головы до ног и с ужасающей скоростью начал впитываться в его ТБК. Система жизнеобеспечения угрожающе завыла, выбросила в маску кислород, но было поздно. Северянин понял, что мертв. Проклятый полиморфоид перехитрил его, прикинулся

ребенком.

Призрачный белый свет под потолком ангара сменился приятным зеленоватым. Из за контейнера вышел улыбающийся Зебровски.

– Туше, Ник! – сказал он и покачал головой. – Экзамен провален. И что самое обидное – вы умерли, когда вам остался буквально шаг до цели. Идемте ужинать. Шампанское вам не полагается, но коньяком я вас угощу.

– Вы совершили две непростительные ошибки, Ник. Во-первых, вы расслабились. Во-вторых, вы поверили Августе. Учтите, что в реальной боевой обстановке подобная беспечность станет для вас роковой.

– Я даже не мог представить, что полиморфоид может так безупречно имитировать человека, – признался Северянин.

– Теперь представляете. – Зебровски разлил в пузатые бокалы остатки коньяку из бутылки. – Полиморфоид всего-навсего биомасса. Она может имитировать что угодно и кого угодно. Мы до сих пор не знаем, откуда эта мерзость появилась на Аваллоне. Возможно, это все неудачные опыты «Ренессанс Инджиниринг». Они тут одно время пытались культивировать какие-то биоматериалы. Результат оказался не самый приятный.

– Что он со мной сделал? Я имею в виду полиморфоида.

– Он интегрировался с вами. Вы стали с ним единым целым. Эта тварь питается за счет переработки собственного вещества, и ей постоянно необходим новый клеточный материал. А уж мимикрирует она блестяще. Самое удивительное – это интеллект, которым обладает этот холодец. Наши эксперты полагают, что полиморфоиды вообще не природное явление, что их создали искусственно, именно как агрессоров. Они вроде как охрана Территории Хаоса. Между прочим, биосканеры их не всегда фиксируют. Почти не сомневаюсь, что однажды вы с ними столкнетесь в действительности. Поэтому не доверяйте своим органам чувств. Стреляйте сразу и без колебаний. А вы колебались, мой друг. Вами овладела неуместная на Аваллоне сентиментальность. Вы даже не задали себе вполне резонный вопрос – а что человеческий ребенок без всяких средств защиты делает в ангаре на Территории Хаоса? А должны были бы задать.

– Верно, – кивнул Северянин. – Я кретин. Но и вы тоже виноваты. Вам следовало меня предупредить.

– Если бы я вас предупредил, получился бы фарс, а не экзамен на выживание. Но должен вам сказать, что вы показали себя молодцом. Когда мы тренируем наших десантников, весь круг проходят лишь семеро из десяти. Скрэтчей вы уделали просто замечательно. И не беда, что они были всего лишь виртуальными моделями.

– Бьют они как живые. Нога до сих пор побаливает.

– Всего лишь динамический удар. Наш тренажер создает почти стопроцентную иллюзию. Сожрать бы они вас не сожрали, но боли бы вы натерпелись. Но вы оказались расторопнее их. Только милая девочка Августа стала для вас неприятным сюрпризом.

– А отказ прибора ночного видения, фонаря, проблемы с картой – тоже ваши сюрпризы?

– Естественно. Ваше здоровье!

– И все же обидно. Я так старался.

– Не грузитесь по пустякам. Я все равно поставил вам зачет. Теперь нам придется с вами на некоторое время проститься. Утром вы отправитесь в Ураниум-Сити. Ваша миссия начинается.

– Чем больше я думаю над тем, что происходит, тем больше у меня возникает ощущение абсурда. Вы готовы доверить крайне важную миссию дилетанту, провалившему экзамен на выживание. Нелогично.

– Логика не всегда хороша в реальной жизни. Я доверяю своей интуиции, а она мне говорит, что вы справитесь. У вас чрезвычайно мобильное мышление, а это главное.

– Спасибо за комплимент. Коньяк был хороший, и за него тоже вам спасибо.

– Идите спать. У вас усталый вид.

– Я действительно сильно устал. Не припомню, когда в последний раз переживал такие сильные впечатления. А у вас тут так хорошо, тихо, прохладно.

– И глаза у вас сонные. Мне тоже надо отдохнуть. – Зебровски встал, протянул Северянину руку. – Спокойной ночи, граббер.

– Спокойной ночи, майор.

– Зовите меня Алекс. Теперь мы с вами партнеры, делающие одно очень важное и благородное дело. Утром мы с вами еще увидимся. А пока возьмите это. – Зебровски протянул Северянину какой-то предмет величиной с крупный персик.

Северянин сразу понял, что это такое.

– Маду? – удивленно воскликнул он.

– Вы видели такие штуки прежде?

– Только в музеях. – Северянин с трепетом ученого метнулся к лампе, залюбовался красными искорками, пробегавшими по темно-серым граням предмета. – Какое чудо! Никогда не думал, что мне выпадет счастье держать его в руках.

– Вы слишком восторженно к нему относитесь. Это всего лишь бесполезный, хотя и очень оригинальный предмет.

– Не скажите! Мы еще не открыли тайну маду. Со временем человечество получит от них громадную пользу.

– Вы думаете о человечестве, – вздохнул Зебровски. – Вы мечтаете о разгадке тайны маду здесь, на Аваллоне, где каждый мечтает только об одном – выжить. Странный вы человек, Ник. Но вы еще раз убеждаете меня, что я в вас не ошибся. Вы поможете мне найти Везалия.

– И Панацею, – добавил Северянин, не отрывая восторженных глаз от маду.

– И Панацею, – эхом повторил майор и улыбнулся.

V. День пятый

Маду – собирательное название материальных объектов неизвестной природы, встречающихся только на Аваллоне. Открыты экзогеологом Ж. Б. Маду, в честь которого и названы. Существует четыре основные формы М.: сферическая, тетраэдр, октаэдр и икосаэдр. На 98–99 % состоят из кремния с примесью аварита и редкоземельных металлов. Размеры М. колеблются от 5 до 20 см в диаметре, масса до 1 кг. До сих пор нет объяснения их природы; большинство исследователей склонны считать М. окаменевшими остатками древних организмов, обитавших на Аваллоне, хотя есть гипотеза, что М. являются культовыми предметами, относящимися к древнеаваллонской культуре Та-Ин. Никакими особыми свойствами М. не обладают, однако очень ценятся на Земле, где их покупают как музеи, так и частные коллекционеры.

Популярная энциклопедия по Внеземелью

Сегодня была беспокойная ночь. Еще до рассвета я проснулся с ощущением того, что увидел тягостный тяжелый сон, но сам сон не запомнил. На щеках у меня были слезы. Под утро я проснулся второй раз, но уже от духоты – видимо, отключился кондиционер, и в моей каюте воздух стал таким спертым, что хоть ножом режь. Часы показывали четверть шестого по местному времени. В бункере понятие времени относительное, но мне очень захотелось, чтобы побыстрее наступило утро. И еще – я запомнил сон, который видел перед вторым пробуждением. Я купался. Нырял в чистую зеленоватую пронизанную солнцем воду. Вода была такая прозрачная, что я видел дно, и мне казалось, что оно совсем близко, что я могу коснуться его пальцами. А потом я стоял на берегу, смотрелся в воду, но почему-то не видел своего отражения. Меня это удивляло, я пытался разглядеть самого себя – и не мог. Странный сон. Катя часто говорила, что ей снятся вещие сны. Этот сон, конечно, не вещий. Я никогда не вижу вещих снов. Хотя однажды, много лет назад, мне снилось, что я оказался на другой планете. Тот давний сон, может быть, и был вещим. Но я скептик. Я не верю в мистические совпадения и судьбу. На Аваллон меня привел не сон. Сюда меня привела боль. Мне хочется верить, что однажды я буду вспоминать эти дни так, будто все, что происходило со мной с того страшного дня, когда мне сообщили

диагноз Кати, случилось не наяву, а именно во сне.

Меня гораздо больше занимает другое – почему я проснулся в первый раз с глазами, мокрыми от слез? Что такого мне могло присниться? Не знаю. Возможно, нервы мои не в порядке. Мне хочется поскорее выбраться отсюда. И еще – мной все чаще овладевает апатия. Я все меньше и меньше верю в то, что мне удастся исполнить задуманное и найти то, что спасет Катю. Хочу думать, что это временно. Может быть, с сегодняшнего дня все изменится, и я снова поверю в то, что Бог на моей стороне. Я говорю себе, что если Всевышний не дал мне погибнуть тогда, у Пика Вдовы, значит, во всем со мной происходящим есть какой-то смысл. Я надеюсь. Ведь надежда – это все, что у меня есть.

* * *

Шестиколесный броневэн, урча пятисотсильным мотором, покатился вниз, к долине, подняв за собой облако желтой пыли. Северянин проводил его взглядом, потом посмотрел в другую сторону – туда, куда ему предстояло идти. Светило уже почти скатилось к горизонту, но жара не спала; над поверхностью равнины колебалось знойное марево, и порывы ветра поднимали тучи песка, закручивая их в мимолетные смерчи. В сгустившихся сумерках огонек у подножия одного из плоских глинистых холмов впереди был хорошо заметен. Там его цель. Вздохнув, Северянин зашагал по равнине, ориентируясь на огонек.

Пять километров для хорошего ходока даже в жару – это не дистанция. Но Северянин устал. Может быть, он еще не оправился от полученного у Пика Вдовы лучевого импульса. Последние несколько сот метров он едва сдерживал желание выбросить тяжеленный рюкзак с припасами, автомат и прочее навешанное на него снаряжение. Короткие привалы не приносили облегчения, а устроить себе долгий перекур Северянин не позволял, опасаясь, что потом идти станет еще тяжелее.

Наконец, он подошел к забору из бетонных столбов с металлической сеткой между ними, разделявшему равнину пополам, нашел проход и оказался внутри ограды. Когда-то на этом месте был крупный аваритовый прииск Золотая Гора; потом аварит выработали и прииск забросили. Остались только обветшавшие бараки для горняков, ободранные изъеденные непогодой вышки и силовые столбы, брошенная ржавая техника и толомеит, зеленая аваритосодержащая порода, тысячи тысяч тонн которой ветер разметал по всей равнине, покрыв

изумрудно-зеленой пылью все вокруг. Издали могло показаться, что прииск – оазиз среди бесплодной равнины, заросший молодой травкой. Ступая по ковру толомеитовой пыли, Северянин с усмешкой подумал, что планы реабилитировать эту несчастную планету будет гораздо труднее осуществить, чем наметить – уж слишком долго и изощренно гробили Аваллон. На почве, насыщенной толомеитом, ничего и никогда не будет расти. Ничего и никогда…

Костер горел на большой площадке, с трех сторон окруженной проржавевшими ангарами для техники. Человек, сидевший у огня, никак не отреагировал на приближение Северянина – он отрешенно смотрел на коптящее колеблющее пламя, пожиравшее старую резиновую покрышку.

– Плантатор? – спросил Северянин, опускаясь на корточки напротив.

– Добро пожаловать, брат, – с тем же отрешенным видом ответил сидевший. – Не найдется ли у тебя стаканчика биддла для хозяина?

– Биддла нет. Есть спирт.

– Чудесно, брат. Давай спирт.

Северянин скинул с плеч рюкзак, вынул флягу со спиртом, протянул Плантатору. Тот свинтил пробку, плеснул спирта в плоскую жестянку, стоявшую рядом с ним на ящике, разбавил водой из канистры и протянул смесь Северянину.

– За что выпьешь, брат? – спросил он.

– За Апостола. – Северянин сделал глоток из жестянки и поставил на ящик.

– Так ты человек «Большой Мамы»? – Плантатор покачал головой. – Я ждал тебя только завтра утром.

– Меня привезли на броневэне. Подбросили, так сказать. Ты, похоже, не рад мне?

– Я никому не рад, брат, – с подкупающей откровенностью ответил Плантатор. – Ведь ты пришел сюда не ради меня. Ты пришел потому, что тебя послали ко мне, так? Ты пришел по делу. Ты ищешь Апостола, а не Плантатора. Другие братья

тоже приходят только по делам. Никто не приходит ко мне ради меня самого.

– Почему ты зовешь меня братом?

– Все грабберы братья. Мы все пациенты одного дурдома.

– Что-то мрачно ты шутишь, Плантатор. Но это твое право. Майор сказал, ты мне поможешь.

– Почему они выбрали тебя?

– В смысле?

– Я думал, ты моложе. Аваллон любит молодых и сильных. Тех, кто начал седеть, он ненавидит. Но это неважно. Хочешь покурить?

– Нет.

– Зря. У меня отличный петаль. Самый лучший на Аваллоне. Курни, не пожалеешь.

– Я не курю петаль.

– Твои проблемы, брат. – Плантатор быстро свернул папиросу, зажег ее, затянулся, выпустил дым с резким запахом. – Тогда пей спирт.

– Я не хочу пить.

– Извини, мне нечем тебя угощать. У меня есть только вяленое мясо скрэтча. Я не жду гостей на своей ферме.

– Ты здесь живешь?

– Я живу везде. Здесь, и там, и там. – Плантатор помахал рукой с папиросой. – Вся планета мой дом. А знаешь, почему? Ты землянин, брат. А я абориген. Я родился на этой долбаной планете. Ты спросишь меня, почему меня не сажают

за курение петаля? А я тебе отвечу – потому что я абориген. Когда я стал сажать петаль, ко мне пришли полицейские из Ураниум-Сити и стали жечь мой урожай, а меня посадили в ховеркрафт и увезли в кутузку. Но потом пришел адвокат и сказал мне: «Парень, они не могут тебя посадить! На Аваллоне нет закона, запрещающего растить и курить петаль!» И он оказался прав – легавые меня отпустили. Поскрипели зубами и отпустили. Я родился на Аваллоне, и земные законы мне не писаны. Я живу по своим законам.

– Плантатор, я ищу Апостола.

– Его все ищут. С тех пор как прошел слух, что Апостол со своей шарагой нашел ход за Линию Смерти, каждый мечтает завязать с ним дружбу.

– И все-таки, где я могу его найти?

– Апостол – перелетная птица. Он не сидит на месте. Сегодня он появился в Ураниум-Сити, а завтра жди его где-нибудь в Ржавой Пади. – Плантатор докурил папиросу, швырнул окурок в огонь. – Зря не куришь, брат. Отменный петаль.

– Давай поговорим об Апостоле. Мне он нужен, понимаешь?

– Чего уж не понять? Слушай, а у тебя пожрать чего-нибудь есть?

– Есть. – Северянин расстегнул рюкзак, начал выкладывать на ящик провизию: сухую копченую колбасу, хлеб в полиэтилене, консервы, мясные концентраты, сухофрукты. Плантатор жмурился как кот, глядя на еду.

– Однако, какая фиеста! – сказал он. – Настоящий хлеб, пшеничный, не крахмальный? И колбаса натуральная? Хорошо кормят у вас в разведке.

– Угощайся. – Северянин глотнул спирту из жестянки, разломил колбасу. – Вяленое мясо скрэтча ты еще успеешь съесть.

– Я просто подумал – почему бы не съесть скрэтча? Ведь они едят нас, грабберов. Надо восстановить справедливость. Скрэтч – это всего лишь скрэтч. Неважно, кем он был в прошлой жизни…Ты чего, брат?

– У тебя отменное умение улучшать людям аппетит.

– Прости, но я сказал правду. Убери эту жратву. Тебе она еще пригодится.

– У меня достаточно еды. Ешь.

– Ты сказал, ты ищешь Апостола? Он нужен тебе или твоему начальству?

– Моему начальству. И мне.

– Кожа светлая, – неожиданно сказал Плантатор, изучающе посмотрев на собеседника. – И глаза серые. Скандинав?

– Я русский.

– О, я так и подумал! Русские – крепкие ребята. Среди грабберов русские – самые отмороженные. Лезут в такие гиблые дебри, куда никто не совался. Апостол тоже из ваших. Из русских, я хотел сказать. Между прочим, кажется мне, что я тебя уже где-то видел. Мы встречались?

– Не думаю. Я совсем недавно на Аваллоне.

– Что-то происходит с моей головой, – сказал Плантатор, глядя в огонь. – Может быть, это старость. А может, петаль. Готов поклясться, что я тебя уже встречал. Но это неважно. Деньги у тебя есть?

– Две тысячи, только не наличными, на карте. Тебе нужны деньги?

– Деньги нужны всем. И тебе они понадобятся в Ураниум-Сити. Большой город любит большие деньги, ха-ха! А мне деньги ни к чему.

– Плантатор, давай по делу. Мы говорили об Апостоле.

– Все ищут Апостола. А меня никто не ищет. Наверное, я просто никому не нужен. Обидно, брат. – Плантатор свернул новую папиросу. – Мне уже за сорок, понимаешь? За свою гребаную жизнь я не сделал ничего стоящего. У меня есть

только две вещи – свобода и петаль.

– Сочувствую. И немного завидую. Я, в отличие от тебя, не свободен. Так где мне искать Апостола?

– Ты тоже веришь, что он побывал за Линией Смерти?

– Я не знаю ничего об Апостоле. Мне надо поговорить с ним. Это в его интересах.

– Апостол – свободная птица, брат. Я не знаю, где он.

– Послушай, приятель, я с тобой серьезен, как нотариус. В разведке есть сведения, что Апостолу угрожает большая опасность. Кто-то убивает грабберов, пытающихся найти безопасный проход на Территорию Хаоса. Если Апостол в самом деле знает, как туда попасть, ему несдобровать. Я хочу помочь ему. А ты мне мозги пудришь.

– Кто убивает грабберов?

– Этого я не знаю. Могу только назвать прозвище – Контактер.

– Аваллон не хочет пускать людей за Линию. Он создает чудовищ, которые стерегут тайну проклятой планеты. Если Апостол должен умереть, он умрет, и ты ничего не сможешь сделать. На Аваллоне приговоренные к смерти никогда не получают помилования. Смирись, брат.

– Майор сказал, что ты мне поможешь. – Северянин встал, стряхнул мелкую зеленую пыль с колен. – Наверное, он ошибся. Буду искать Апостола сам.

– Сядь, брат, не колотись. – Плантатор медленно и с наслаждением раскурил папиросу. – Я скажу тебе, как найти Апостола. Но и ты мне поможешь, добро?

– Чем я могу тебе помочь?

– Ты скажешь Апостолу обо мне. Чтобы он еще раз, как когда-то, взял меня с собой за Линию.

– Сказать Апостолу? – Северянин пожал плечами. – Легко. Конечно, я скажу ему про тебя. Обязательно скажу. Но сначала его надо найти.

– В Ураниум-Сити есть адвокатская контора Рыжего Мармана. Отыскать ее просто – тебе следует добраться до центра и там найти штаб-квартиру МГКС. Контора Мармана находится в том же здании на первом этаже. У Мармана работает одна девушка, Анна. Это родная сестра Апостола. Придешь к ней и скажешь, что от меня. Она скажет тебе, где искать ее братца. Но я дам тебе одну наводку. В последнее время очень много народу подалось на север, в Долину Бурь. Там теперь свободная зона, и каждый граббер мечтает заиметь в Долине Бурь прииск. Сечешь, брат? Говорят, нанятый свободными грабберами адвокатский пул наконец-то отсудил у компании «DTS» два миллиона акров земли. Хочешь, сможешь прикупить себе участочек и искать аварит. Но денег на покупку земли тебе не хватит, сразу говорю. Если только твои хозяева в разведке тебе подкинут еще тысяч пятьдесят, ха-ха!

– Я не собираюсь заниматься старательством. У меня другие планы.

– Оно и лучше. Местная мафия уже собирает со старателей дань. Не успеешь начать свое дело, а братки уже тут как тут. По мне лучше курить петаль и смотреть на звезды. Целее будешь. А Апостол…. Думаю, он мог со своими ребятами податься в Долину Бурь. Анна точнее скажет. Она знает. Только будь с ней поласковей, брат. Подарок ей сделай. Она девушка хорошая. Таких в этой сраной дыре больше нет, одни шлюхи из Афродитория.

– Ну вот, теперь ты мне действительно помог. – Северянин благодарно улыбнулся. – Теперь объясни, как мне добраться до Ураниум-Сити.

– Да он тут рядом, брат. – Плантатор показал рукой на темное ночное небо, туда, где над пустыней колебалось многоцветное зарево. – Иди на запад, выйдешь к шоссе номер сорок один. По нему доберешься до Ураниум-Сити. Там кругом указатели, не заблудишься. Если повезет, тебя подбросят какие-нибудь сердобольные ребята, например полицейский патруль. Только ночью не ходи. В пустыне полно гадов. Плюющиеся ящерицы, пауки. Ночуй здесь. Кровати у меня нет, но матрацы почти новые.

– Спасибо. – Северянин снова сел напротив странного аборигена. – И за гостеприимство, и за помощь.

– Не за что. Мне будет приятно, что если тебя убьют, ты не вспомнишь меня перед смертью дурным словом.

– Я пока не собрался умирать, – хмыкнул Северянин. – У меня другие планы. Мне нельзя на тот свет.

– Тебе легче, брат. – Плантатор покачал головой. – А я чувствую, что мои часики запущены. Аваллон убьет меня. Очень скоро убьет. Но ты не грусти. Не стоит печалиться в такую отличную звездную ночь. Плантатор не зря прожил свою жизнь. – Тут он посмотрел на Северянина, и глаза его сверкнули в темноте. – Ведь у меня были свобода и петаль. А это не так уж мало, брат.

VI. День шестой

Биддл – крепкий алкогольный напиток, производимый только на Аваллоне. По сути, обычный самогон, настоянный на ягодах и коре местного растения, известного как золоторыльник (Hemidendra alba sp.) Считается местной достопримечательностью. Б. сортов «Старатель Дэйв» и «Красная Долина» считается элитным и экспортируется с Аваллона. По мнению грабберов, употребление Б. помогает им переносить неблагоприятные условия на Аваллоне.

Популярная энциклопедия по Внеземелью

Наверное, я стал обладать даром предвидения. Я о том, что увидел в Ураниум-Сити. С самого начала я предполагал, что Ураниум-Сити окажется просто большой копией Загона, и не ошибся. Все те же бесцветные изъеденные пылью пустыни одно– и двухэтажные дома-бараки под серым небом, разбитые бетонные дороги, покосившиеся столбы, нигде ни дерева, ни травинки – и грабберы, вооруженные до зубов, и поодиночке или группами шатающиеся вдоль раскаленных аваллонским солнцем улиц. Только в центре города, там где находится деловой центр, дома попрезентабельнее и поэтажнее, хотя ни одного здания выше четырех этажей нет. Все это ночью нелепо расцвечивается рекламой самых разных цветов и размеров, вплоть до гигантских GSS-голограмм. Электричество тут не экономят – вблизи Ураниум-Сити работает термоядерная электростанция. Народу здесь много, и это не только грабберы вроде меня. Я видел клерков, работающих в расположенных здесь штаб-

квартирах работающих на Аваллоне компаний, служащих из Агентства по космическим перевозкам. Неожиданно много женщин – после Загона это приятная неожиданность. Грабберы, встречая их на улицах, буквально едят их глазами, но барышни привыкли к такому неприкрытому интересу и даже не смущаются. Я и сам несколько раз ловил себя на том, что с любопытством провожаю взглядом какую-нибудь хорошенькую деловую леди в щегольском форменном комбинезончике. Еще полно полиции МГКС; на каждом перекрестке стоит по броневэну и по пять-шесть полицейских. Понятия не имею, на кой леший нужно держать тут столько полицейских – может быть, власти настораживает обилие оружия у наводнивших город грабберов. Что ж, власти можно понять, у некоторых из парней, которых я видел на улицах, рожи просто бандитские. Много гидромобилей, среди которых попадаются совсем новенькие – видимо, их доставляют с Земли по заказу удачливых грабберов или местных чиновников. Так же, как и в Загоне, полным-полно увеселительных заведений, кабаков и ночных клубов. Судя по всему, Ураниум-Сити – веселый город, хотя его облик нагоняет тоску. Это напоминает свадьбу в убогом дощатом сарае. Или пир на развалинах.

Позавчера, перед моим отъездом с военной базы, майор Зебровски дал мне координаты своего агента, через которого следует передавать информацию. Но сначала мне надо найти Анну. Осмотр достопримечательностей Ураниум-Сити я начну с визита в адвокатскую контору Мармана.

* * *

Массивная железная дверь располагалась в самом конце длинного ободранного коридора, тускло освещенного единственной неоновой лампой. На двери красовались две надписи – одна бегущей строкой появлялась в окошечке дисплея, другая была написана на простом и не очень чистом листке бумаге, приклеенном к двери жевательной резинкой. Бегущая строка сообщала, что здесь клиентов обслуживает баннистер К.К.Марман, магистр права и специалист по имущественным и другим делам. Вторая надпись, накорябанная зеленым фломастером, гласила: «ПО СУБОТАМ НЕ РАБОТАМ».

– Вы к господину Марману?

Северянин вздрогнул, повернулся на голос. Девушка, стоявшая перед ним, разглядывала его с выжидательным интересом. Она была очень молода и

привлекательна – нежная загорелая блондинка с курносым носиком и мягким полудетским лицом. Черный приталенный костюм с аваритовой брошью на груди и туфли на шпильке делали ее еще более очаровательной.

– Вы к господину Марману? – повторила она. – Сожалею, но сегодня неприемный день. Приходите в понедельник.

– Я это уже понял. – Северянин показал на прилепленный к двери лист бумаги. – Это не сам адвокат Марман писал? С правописанием у автора явно не все в порядке.

– Нет. – Девушка весело улыбнулась, показав ослепительно-белые зубы. – Это сочинение нашего уборщика Калена. Надо снять эту бумажку, она подмочит репутацию моего шефа.

– Вашего шефа? Вы работаете у адвоката Мармана?

– А вас это удивляет?

– Нет, я лишь хотел сказать, что ищу не самого адвоката, а работающую у него девушку по имени Анна. Вы Анна?

– Анна. – Она перестала улыбаться и с еще большим интересом посмотрела на Северянина. – А вы кто?

– Северянин. Ник Северянин. Вообще-то у меня другое имя, но на Аваллоне не принято называться своим именем. Я это уже понял.

– Однако меня вы назвали моим настоящим именем. Очень приятно. – Анна протянула Северянину узкую изящную кисть руки для пожатия. – И зачем же вы меня искали?

– Я не буду ходить вокруг да около. Мне очень нужен ваш брат. Мне нужен Апостол.

– Вадим? – Светлые глаза Анны потемнели, она нахмурилась. – Его нет в Ураниум-Сити. Ничем не могу помочь вам. Сожалею.

– А если я скажу, что дело очень важное? – Северянин перешел на русский язык.

Анна порывисто повернулась к нему, посмотрела на Северянина с недоумением.

– Вы русский! – воскликнула она с искренней радостью в голосе. – Боже мой, чего же вы сразу не сказали?

– Разве это так важно?

– Для меня важно. – Ее лицо прояснилось. – Я ведь тоже русская. Мои родители родом из Иркутска. А вы откуда?

– Петербург. – Северянин улыбнулся и развел руками. – Значит, земляки.

– Значит, так. Пойдемте, расскажете, что вас сюда привело. – Анна сделала приглашающий жест и легко зашагала по коридору.

Северянин пошел следом, любуясь ее легкой стремительной и изящной походкой. Анна привела гостя в маленький уютный кабинет с кондиционером и аквариумом, предложила сесть на мягкий стул без спинки, сама села в кресло напротив.

– Я как раз собиралась уходить домой, – начала она. – Шефа сегодня нет, он, как правоверный иудей, в субботу всегда отдыхает. А я решила кое-что поделать. Накопились документы, надо было разобрать. Господи, как же давно я не видела русского!

– Плантатор сказал мне, что в Ураниум-Сити много русских.

– Не много, но есть человек сто—сто двадцать. Однако к Марману они не ходят, предпочитают других адвокатов. А в свободное время я с ними общаюсь редко. Почти все они грабберы, и у них свои специфические интересы. У меня есть подруга Таня, она замужем за астронавигатором из Бюро грузовых перевозок, вот с ней я и общаюсь. А вы непохожи на граббера.

– Я стал им без всякого желания. Это долгая история.

– Хотите чаю? – вдруг предложила Анна. – Настоящего, черного, с вареньем?

– Если варенье домашнее, – сказал Северянин шутливым тоном.

– Тогда с брусничным? Согласны?

Северянин утвердительно кивнул. Непосредственность и эмоциональность Анны стали для него приятным сюрпризом. Эта девушка была очаровательна, и Северянину очень хотелось произвести на нее приятное впечатление. Плантатор оказался прав – судя по всему, Анна очень милая и добрая девушка. Конечно, она совсем не похожа на его Катю. Но разве это так важно? Не стоит вести себя с ней, как бесчувственный болван, зацикленный на делах.

– Сейчас закажем. – Анна подошла к буфет-автомату в углу кабинета и набрала на пульте код заказа. Запечатанные пластиковые стаканчики с горячим чаем выехали из чрева машины через несколько секунд. – Вот, берите.

– Спасибо. Вы давно на Аваллоне?

– Чуть больше года. – Анна распечатала свой стаканчик, поставила на стол. – Это все Вадим. Мы с детства все время вместе. Никогда не разлучались. Когда он отправился на Аваллон, я очень за него переживала. Но прошло два месяца, и он меня вызвал. Сказал, что нашел для меня очень хорошую работу с высоким жалованием и возможностью быстро сделать карьеру. Я ни секунды не думала, сразу все бросила и помчалась к нему. У меня, кроме Вадима, никого нет.

– А родители?

– Они умерли несколько лет назад.

– Простите. Сожалею, что заговорил об этом.

– Не извиняйтесь. А вы как тут очутились?

– Я уже сказал вам – это долгая история. В старину про ситуацию, подобную моей, говорили: «Роковое стечение обстоятельств».

– Видимо, у вас какие-то большие проблемы. – Анна отпила глоток чая из стаканчика. – Зачем вам Вадим?

– Я должен поговорить с ним. Это очень важно и для него, и для меня.

– Секретное дело?

– Наверное. – Северянин улыбнулся. – Еще в Загоне один наш соотечественник рассказал мне про Апостола. Он посоветовал обратиться к нему за помощью. Я только сегодня приехал в Ураниум-Сити, у меня тут нет ни знакомых, ни друзей. Вот я и подумал, что мог бы рассчитывать на содействие вашего брата. А тут еще Плантатор мне рассказал про вас.

– Вы знакомы с Плантатором?

– Случайно познакомился. Забавный парень. Только вот петаль его рано или поздно погубит.

– Он иногда бывает тут у нас. Вадим с ним знаком, но это шапочное знакомство. Кажется, они когда-то вместе планировали отправиться на север, в эту запретную зону, Территорию Хаоса. Вы надолго в Ураниум-Сити?

– Пока не знаю. Все будет зависеть от того, как быстро я увижусь с вашим братом. Других дел у меня здесь нет. Как я сказал уже, на Аваллоне у меня нет знакомых.

– Так вам негде устроиться? Могу порекомендовать гостиницу «Розовая звезда». Там умеренные цены и неплохой стол. Деньги у вас есть?

– Немного есть.

– Номер стоит сто пятьдесят за ночь. Если, конечно, вы не пожелаете дополнительные услуги.

– Что вы называете дополнительными услугами?

– Ну… – Она вдруг покраснела: – Кабельное видео или… девушек.

– Странно, что вы об этом заговорили.

– Простите меня. – Анна потупила взгляд. – Я сказала глупость.

– Вы меня совсем не знаете. Может быть, у вас сложилось обо мне неправильное впечатление.

– Еще раз простите. Я не хотела.

– Вы еще так молоды, что сердиться на вас просто нельзя. Давайте пить чай. А если вы не против, то мы могли бы вместе пообедать. Я прибыл в Ураниум-Сити час назад и еще не успел подкрепиться. Не хотели бы вы составить мне компанию?

– По-моему, это было бы не совсем удобно. Мы едва знакомы.

– Ну и что? Познакомимся получше. Вы угостили меня чаем, и я тоже хочу вас угостить. Только вы подскажете мне, где нам лучше всего пообедать – наверняка вы знаете тут пару неплохих ресторанов.

– Я знаю один уютный маленький ресторанчик, – помолчав, сказала Анна. – Но только платите вы!

В «Везунчике» подавали только фирменные аваллонские блюда – «грабберский бифштекс», хитрый салат из различных консервов, выращенные в местных теплицах овощи и многое другое. Из напитков официант посоветовал заказать биддл с апельсиновым соком и «старательский чай». Пока ждали заказ, Северянин рассказал Анне, как Плантатор попытался угостить его мясом скрэтча.

– Фу! – Девушка брезгливо поморщилась. – Я видела скрэтчей в городском Бестиарии. От одного их вида меня мутит. А уж есть их… Ни за что! И вы согласились попробовать эту гадость?

– Нет, я думаю так же, как и вы. Предпочитаю концентраты. И не выношу крыс в любом виде. Особенно инопланетных.

– Здесь неплохо кормят, – сказала она. – Владелец ресторана заказывает продукты через серьезных поставщиков. На Аваллоне вся провизия местного производства проходит жесточайший санитарный контроль.

– Правда? Не знал об этом. На то есть какие-то причины?

– Какой вы странный, Николай… Дмитриевич. Прямо как только что родились.

– Во-первых, я действительно ничего не знаю. Во-вторых, зовите меня просто Николаем, без Дмитриевича.

– Вы должны были знать, куда вы едете.

– Так просветите меня. Мы говорили о причине жесточайшего санитарного контроля всей местной провизии.

– Вы что, никогда не слышали о «UZ»?

– Никогда. Что это значит?

– Выходит, вы совсем ничего не знаете… – Анна замолчала; у столика появился официант с заказом. Лишь когда он ушел, она продолжила: – Вадим оказался здесь именно из-за проблем с «UZ». Он работает на одну неправительственную организацию, помогает собирать информацию.

– На разведку, хотите вы сказать?

– Нет. Вадима наняла независимая экспертная группа одной крупной горнодобывающей компании. Ее очень волнуют последствия применения «UZ» на Аваллоне.

– Я не понимаю.

– Вы знаете о Войне за Панацею? Об Армагеддоне?

– Кое-что. Расскажете поподробнее, буду благодарен.

– Но про доктора Везалия вы наверняка слышали?

– Конечно. Это связано с Везалием?

– И да, и нет. Все началось, когда Везалий отказался подчиняться земным властям и объявил себя диктатором Аваллона. Конечно, на Земле это тут же восприняли как мятеж. Сразу стали готовить операцию по восстановлению на Аваллоне земной юрисдикции. Только военные просчитались – Везалий обладал большими возможностями по защите Аваллона. Поэтому первое вторжение на Аваллон провалилось. Армия понесла большие потери, так и не захватив ни одного важного объекта. Естественно, на Земле стали думать, как быть дальше. И вот тут-то возникла идея применить против Везалия «UZ».

– Это какое-то оружие, не так ли?

– Это универсальный гербицид, изобретенный лет сто пятьдесят назад. Его применили только однажды, когда земляне колонизировали планету Вирида. Вадим рассказал мне, что там случилось. Планета была покрыта растениями, точнее папоротниками, споры которых вызывали у людей смертельную аллергию. Для борьбы с ними и был разработан «UZ-0» – вещество, ставшее прототипом гербицида, примененного здесь, на Аваллоне. Гербицид применили без всяких испытаний, что называется, с колес. Через месяц Вирида была очищена от флоры, однако оказалось, что токсичность «UZ» превосходила всякое воображение. Это вещество обладало свойством накапливаться во всем, в чем только можно – в почве, в воде, в тканях живых организмов, – и при этом в результате биохимических превращений возникали новые, неизвестные на Земле яды. Началась массовая гибель колонистов – настоящая эпидемия. Пока спохватились, что и как, Вирида стала непригодной для жизни вообще. После истории с Виридой про «UZ» постарались забыть, и слава богу. Вспомнили о нем после провала десантной операции на Аваллон. Местность, которая сегодня называется Территорией Хаоса, была покрыта густой растительностью. Защитники Везалия без проблем укрывались там и от бомбардировок и от обстрелов с планетолетов и геликоптеров. Военным нужно было срочно уничтожить зеленый покров на территории, занятой отрядами Везалия. Там их

не брали ни напалм, ни объемные бомбы. Вот и выбрали гербицид.

– Я понял. – Северянин ощутил необычайное волнение. – Военные применили «UZ», и все живое было уничтожено не только на Территории Хаоса, но и на всем Аваллоне.

– Именно так. Они применили такое количество отравы, что это вызвало планетарную катастрофу. Один килограмм этой гадости делает непригодной для жизни несколько десятков гектаров поверхности, а над Аваллоном распылили тысячи тонн гербицида. «Ограниченного применения» не получилось – военные вошли в раж и буквально залили планету этой гадостью. Последствия были чудовищные. Соединения «UZ» на шестьдесят процентов разрушили озоновый слой на Аваллоне, отравили все, что только можно было отравить. А потом началось самое страшное. Начались вызванные химическим оружием мутации живых организмов. С тех пор Аваллон медленно умирает, и остановить его агонию уже невозможно.

– А Везалий? Я слышал, он жив и здоров.

– У Везалия была Панацея – возможно, она его и спасла. И его приближенных тоже. Только вот территория, которую они контролировали, стала Территорией Хаоса – зоной, смертельно опасной для всего живого. Вадим говорил мне, что концентрация «UZ» и его производных там кое-где превышает допустимые величины в тысячи раз. Но это не самое страшное. Ветры и дожди разносят с Территории Хаоса токсины по всей планете. Вы видите сами, на что похож этот мир. Будущее у него еще страшнее. Точнее, у него нет будущего.

– Поэтому тут такая жесткая санитарная инспекция?

– Точно. Власти стараются контролировать распространение токсинов по планете, особенно внимательно следят за оборотом продовольствия. Они очень опасаются того, что продукты, содержащие «UZ», ненароком окажутся за пределами Аваллона. Даже те полезные ископаемые, что здесь добываются, проходят обязательную токсикологическую инспекцию.

– Это вполне разумно. Но не думаю, что это настолько опасно. Достаточно будет уничтожить отравленный груз, и все.

– Вы действительно ничего не знаете. Особенность «UZ» в том, что он как бы совмещает в себе элементы химического и биологического оружия. Молекула гербицида не просто воздействует на живой организм – она взаимодействует с ним, воспроизводя из веществ зараженного организма новые токсичные соединения. Я не знаю, какой сумасшедший гений придумал такую чудовищную штуку, но это якобы было нужно для того, чтобы уничтожать чуждую флору на всех стадиях ее развития. А получился настоящий кошмар. Попросту говоря, если вы съедите яблоко, выращенное на Аваллоне и зараженное производным «UZ», вы сами превратитесь в источник смертоносной опасности для множества людей. Все ваши ткани, ваша кровь, ваши выделения станут ядовитыми. Причем это будет уже не сам «UZ», а какие-то новые соединения, против которых нет противоядия. Я не могу вам объяснить, как это происходит, я не химик. Вадим это знает лучше меня. Он был в ужасе, когда начал понимать, что происходит на Аваллоне. Никогда не забуду, с каким лицом он все это мне рассказывал.

– Это действительно страшно. Теперь понятно, почему планета гибнет.

– К счастью, концентрация отравы неодинакова в разных районах планеты. У нас в Ураниум-Сити она почти нулевая. Роза ветров тут благоприятная. Но вот дальше к северу идут зараженные территории. Это хуже радиации, Николай, – от радиации, по крайней мере, можно защититься, ее можно уловить детекторами излучений. А с этой гадостью масса проблем. Собственно гербицид определяется довольно легко, но страшен не он сам, а его производные, продукты его взаимодействия с окружающей средой. От производных «UZ» нет защиты. Они убивают наверняка, медленно и жестоко.

– М-да, веселая картина получается. Зря я оказывается сюда приехал, – произнес Северянин и улыбнулся.

– Я не сказала вам самого главного, Николай. Об этом знают немногие, Вадим – один из них. Он и мне сказал. На Территории Хаоса находится настоящая бомба замедленного действия. Во время Войны за Панацею над Территорией Хаоса был сбит штурмовой планетолет «Нимрод». В его бомболюках было двадцать пятитонных контейнеров с «UZ». Сейчас они там, за Линией Смерти.

– Понимаю. Кажется, я все понимаю. Начнется война, и это значит…

– И это значит, что любой удар по Территории Хаоса может привести к непроизвольному взрыву контейнеров с гербицидом. Тогда ядовитое облако неминуемо накроет площадь в миллионы квадратных километров. И благоприятная роза ветров уже не спасет.

«Ах, Зебровски, Зебровски, – подумал Северянин, глядя на девушку, рассеянно ковырявшую вилкой бифштекс, – сукин ты сын! Вот почему вы боитесь начать против Везалия военную операцию. Много болтаете о международных соглашениях, о конкуренции сторон. А все, оказывается, просто. Одна шальная ракета – и все население Аваллона станет покойниками. Рухнет к чертям собачьим вся аваритовая индустрия, прекратится добыча других полезных ископаемых. Космическая индустрия Земли не переживет такого удара. На карте Галактики появится еще одна уничтоженная людьми планета. Чтоб вас, сволочей!»

– Поразительно, – пробормотал он. – Я ничего этого не знал.

– И это очень странно, – сказала Анна. – Конечно, власти пытаются сделать вид, что история с гербицидом – секрет. Но это самообман. Формально спецслужбы МГКС следят, чтобы информация о «UZ» не просочилась на Землю. Только, похоже, на Земле на нас давно махнули рукой, и никого не интересует, что будет с Аваллоном дальше. Работающие на планете компании соблюдают технику безопасности и предписания служб контроля – и на том спасибо. Их интересует только одно – сумеют ли они окупить вложенные средства до того, как планета окончательно превратится в мертвую пустыню. Аваллон обречен, и все об этом знают, но предпочитают делать вид, что ничего не происходит. Фирменный аваллонский характер – смесь пофигизма и самообмана. Жить на пороховой бочке и делать вид, что это нормально, вполне укладывается в местный менталитет.

– Зачем вы все это мне рассказали?

– Я подумала, вам будет это интересно. Вы же должны понимать, куда вы прибыли.

– В самом деле…. И что же ваш брат, он этим всем занимается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/astahov_andrey/glubokiy-kontakt

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить